

САНДРА #1 NEW YORK TIMES
BESTSELLING
AUTHOR
БРАУН

Белый зной

Сандра Браун Белый зной

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8628861
Браун, Сандра. Белый зной: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-76593-5*

Аннотация

Меньше всего на свете Сэйри Линч хотела бы снова оказаться в родном доме и встретиться с родственниками – слишком тяжелы были воспоминания о прошлой жизни.

Но не приехать на похороны младшего брата – единственного близкого ей человека – она не могла.

С этого момента вся жизнь молодой женщины пошла по иному руслу. И прошлое снова требовательно напомнило о тайнах, казалось бы, похороненных навсегда...

Ранее роман выходил под названием «Убийственный зной»

Содержание

Пролог	5
1	6
2	10
3	16
4	22
5	31
6	38
7	44
8	53
9	60
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Сандра Браун Белый зной

Перевод с английского *И. Крупичевой*
Художественное оформление *С. Власова*

Браун, Сандра. Белый зной / Сандра Браун. – Москва : Эксмо, 2014. – 608 с. – (Сандра Браун. Бестселлеры Suspense & Romance).
ISBN 978-5-699-76593-5

Sandra Brown

WHITE HOT

By arrangement with Maria Carvainis Agency, Inc. And Prava I Perevodi,
Ltd.

Translated from the English WHITE HOT © 2004 by Sandra Brown
Management Ltd. First published in United States by Simon & Schuster,
Inc. New York.

© Крупичева И., перевод на русский язык, 2010

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2014

Пролог

Подходящий день для самоубийства». Эти слова не выходили у него из головы.

Было воскресенье, и казалось, незачем жить дальше. Горячий густой послеполуденный воздух словно высасывал силы и энергию из всего живого, будь то растение или животное.

На улице пекло как в преисподней. Облака испарились, сожженные яростным солнцем. Во дворе небольшого бунгало семьи Хойл, стоявшего в окружении кипарисов на острове, омываемом медленным течением, под безжалостными лучами жарилось шестифутовое чучело крокодила. В его стеклянных глазах отражалось раскаленное небо. Флаг штата Луизиана бесформенной тряпкой повис на флагштоке.

Цикадами овладела лень, и они молчали. Лишь изредка одна из них, самая неугомонная, нарушала неохотным стрекотаньем сонную тишину. Рыбы ушли на дно, скрывшись под мутно-зеленым одеялом из воды и водорослей. Они притаились в сумрачной илистой глубине, вяло работая жабрами. Грозная водяная мокасиновая змея дремала на отмели.

Обычно болото больше напоминало шумный птичий двор, но зной разогнал пернатых по гнездам. Лишь одинокий ястреб сидел на верхушке старого, разбитого молнией дерева, чьи ветки, добела обглоданные насекомыми, были похожи на человеческий скелет.

Крылатый хищник не сводил глаз с бунгало на берегу. Может быть, он следил за мышью, сновавшей между опорами пирса для рыбной ловли? Но, скорее всего, инстинкт подсказывал ястребу, откуда исходит опасность.

Выстрел из ружья прозвучал неожиданно мягко. Воздух, плотный, словно подушка из гусяного пера, приглушил его. Флаг Луизианы даже не шелохнулся. Обитатели болота не обратили на неожиданный звук никакого внимания. Водяная змея скользнула в воду, очнувшись ото сна, но не испуганная.

Ястреб сорвался с дерева и устремился ввысь, описывая широкие круги, легко паря в воздушных потоках, выискивая более достойную жертву, чем крошечная мышка, бегавшая возле деревянных свай.

До мертвеца в бунгало ястребу не было никакого дела.

1

– Ты помнишь Шлепу Уоткинса?

– Кого?

– Парня, который нарвался на драку в баре.

– Ты не мог бы выразиться яснее? В каком баре? И когда это было?

– В тот вечер, когда ты приехал в город.

– Это было три года назад!

– Точно, но тебе следовало бы помнить. – Крис Хойл изо всех сил пытался заставить расшевелить память своего приятеля. – Неужели ты забыл горлопана, из-за которого началась потасовка? У него была физиономия убийцы. И огромные уши.

– А, вот ты о ком. Верно. – Бек приставил руки к голове, показывая размер ушей, о которых шла речь.

– Из-за них его и прозвали Шлепой, – пояснил Крис.

Бек вопросительно поднял бровь.

– Когда дует ветер, уши...

– Шлепают его по голове, – закончил за Криса Бек.

– Как ставни в грозу, – ухмыльнулся Крис и поднял бутылку с пивом в молчаливом тосте.

Жалюзи в доме Хойлов были закрыты, чтобы не пускать внутрь жаркие лучи послеполуденного солнца. Шла трансляция бейсбольного матча. Команду «Отважных» из Атланты, за которую болели приятели, могло спасти только чудо. Но проигрыш не мешал им наслаждаться полумраком и прохладой уютной комнаты с кондиционером и холодными напитками на столике перед диваном, где они скрывались от духоты летнего воскресного дня.

Крис Хойл и Бек Мерчент провели в этой комнате немало времени. В доме ее называли бильярдной, но это была настоящая игровая для мужчин: телевизор с огромным экраном и мощными динамиками, бар с установкой для приготовления льда, холодильник со слабоалкогольными напитками на любой вкус, бильярдный стол, доска для игры в дартс и круглый карточный стол с шестью кожаными креслами, чья обивка мягкостью и нежностью напоминала грудь девушки месяца с обложки мужского журнала. Стены закрывали панели из орехового дерева, обстановка была удобной и не требовала частой уборки. В комнате пахло табаком и царил сугубо мужская атмосфера.

Бек открыл еще одну бутылку с пивом.

– Так что насчет Шлепы?

– Парень вернулся.

– А он разве уезжал? Честно говоря, я не видел его после того вечера. Да и разглядывать Уоткинса мне пришлось подбитым глазом.

Крис улыбнулся, вспоминая.

– Драка была отличная. Тебе здорово досталось от Шлепы. Он замечательно работает кулаками. Правда, ему ничего другого не остается, ведь он сам нарывается на неприятности.

– Наверняка ему приходится отвечать на жестокие шутки по поводу его внешности.

– Разумеется. Но, как бы там ни было, Шлепа все время с кем-нибудь дерется. Вскоре после стычки с нами он начал настоящую войну против бывшего мужа сестры. Что-то они не поделили, кажется, газонокосилку. Дело кончилось тем, что Шлепа гонялся за этим мужиком с ножом.

– И убил?

– Ранил. Он пропорол зятю живот, было много крови. Так что его обвинили в попытке убийства. Сестра Шлепы давала показания против него. Последние три года он провел в тюрьме, а теперь его условно-досрочно освободили.

– Значит, нам повезло.

Крис нахмурился:

– Не слишком. Тогда, три года назад, когда Шлепу увозили в патрульной машине, он пообещал с нами разобраться. Его разозлило то, что его арестовали, а нас – нет. Он выкрикивал такие угрозы, что у меня кровь стыла в жилах.

– Я этого не помню.

– Возможно, ты в это время в туалете смывал кровь с физиономии. Как бы там ни было, – продолжал Крис, – Шлепа неуравновешенный тип, которому нельзя доверять, белая рвань, выросшая в трейлерном городке. Он не забывает обид, а мы его в тот вечер унизили. Пусть Шлепа и был пьян, сомневаюсь, что он обо всем забыл и простил нас. Так что будь настороже.

– Считаю, что ты меня предупредил. – Бек посмотрел в сторону кухни, откуда плыли восхитительные запахи. – Я могу рассчитывать на ужин?

– Приглашение остается в силе.

Бек еще вольготнее развалился на диване.

– Замечательно. У меня уже слюнки текут.

– Это торт с кокосовым кремом. Никто не готовит его лучше Селмы.

– Полностью с тобой согласен, – с этими словами в комнату вошел Хафф Хойл, обмахивая покрасневшее лицо широкополой соломенной шляпой. – Дай-ка мне бутылочку, Крис.

Он повесил шляпу на вешалку в углу и тяжело плюхнулся в удобный шезлонг, вытирая лоб рукавом.

– Черт, ну и парилка сегодня, – со вздохом облегчения Хафф откинулся на мягкие кожаные подушки. – Вот спасибо, сынок. – Он взял из рук Криса запотевшую бутылку с пивом и ткнул пальцем в сторону телевизора. – Кто выигрывает?

– «Отважным» не повезло, да и игра уже закончилась. – Бек приглушил звук, как только комментаторы начали подводить итоги матча. – Незачем нам еще раз слушать, почему они проиграли. Счет говорит сам за себя.

Хафф пробурчал что-то в знак согласия.

– Сезон для них закончился в ту самую минуту, когда руководство позволило всем этим высокооплачиваемым звездам, даже не говорящим по-английски, указывать, что надо делать. Большая ошибка! Я бы им и в лицо это сказал. – Хафф отхлебнул пиво.

– Ты провел на поле для гольфа весь день? – спросил Крис.

– Слишком жарко, – ответил ему отец и закурил. – Мы прошли три лунки, потом послали все к черту, вернулись в клуб и играли там в кункен.

– Ну и на сколько ты их обчистил?

Не стоило даже спрашивать, не проиграл ли Хафф. Он всегда выигрывал.

– На пару сотен.

– Неплохо, – одобрил Крис.

– Зачем садиться играть, если не выигрываешь? – Хафф весело подмигнул ему и Беку и одним глотком допил пиво. – Кто-нибудь из вас говорил сегодня с Дэнни?

– Он скоро появится, – ответил Крис, – если, конечно, ему удалось выкроить для нас время между воскресной утренней службой и вечерней молитвой.

Хафф нахмурился.

– Этими разговорами ты портишь мне настроение. Прекрати, иначе у меня пропадет аппетит.

По мнению Хойла-старшего, религия представляла собой проповеди, молитвы и распевание гимнов и предназначалась исключительно для женщин или для мужчин, ничем от женщин не отличавшихся. Религиозные сообщества, с его точки зрения, были сродни организованной преступности, только церкви не платили налоги и ни за что не несли ответственности. Хафф ненавидел церковников так же яростно, как гомосексуалистов и членов профсоюза.

Крис тактично увел разговор в сторону от младшего брата и его недавнего увлечения религией.

– Я как раз говорил Беку, что Шлепу Уоткинса только что выпустили на поруки.

– Белая рвань, вся семейка, начиная с деда этого ублюдка. Еще тот был подлец, – пробормотал Хафф, снимая ботинки. – Дедушку Уоткинса нашли мертвым в канаве, из горла торчала разбитая бутылка из-под виски. Вероятно, он в очередной раз перешел кому-то дорогу. Думаю, Уоткинсы спали друг с другом, потому что все они уродливы и тупы, как полено.

Бек рассмеялся.

– Все возможно, но я у Шлепы в долгу. Если бы не он, я бы не сидел у вас в доме в ожидании воскресного ужина.

Хафф посмотрел на него так тепло, как смотрел на собственных сыновей.

– Нет, Бек, ты обязательно стал бы одним из нас, не так, так иначе. Знакомство с тобой окупило всю эту историю с Джином Айверсоном. Ты единственный плюс этого дела.

– Бек и послушные присяжные, – добавил Крис. – Давайте не забудем об этих двенадцати. Если бы не они, я бы не пил сейчас пиво вместе с вами, а делил бы камеру с таким, как Шлепа.

Крис часто вспоминал о том, что попал под суд по обвинению в убийстве Джина Айверсона. Его шутовское отношение к произошедшему всегда коробило Бека. Так случилось и на этот раз. Он решил сменить тему.

– Мне неприятно говорить о делах в выходной, но я вынужден.

– В моем расписании нет выходных, – отозвался Хафф.

Крис застонал.

– Но это не мой случай! Новости плохие, да, Бек?

– Ничего хорошего они не сулят.

– А это не может подождать? Может, лучше сначала поужинать?

– Разумеется, это может подождать. Как скажете.

– Нет уж, – решил Хафф. – Ты знаешь мое отношение к плохим новостям. Их я предпочитаю узнавать как можно раньше. И черта с два я буду ждать, пока мы поужинаем. Так что случилось, Бек? Только не говори, что на нас опять наехали из Управления по охране окружающей среды...

– Нет, дело не в этом. Вернее, не совсем.

– Тогда о чем речь?

– Не гони лошадей, я сначала налью всем выпить, – обратился Крис к отцу. – Ты любишь выслушивать плохие новости спозаранку, я предпочитаю слушать со стаканом бурбона в руке. Тебе налить?

– Побольше льда, воды не надо.

– А тебе, Бек?

– Нет, спасибо.

Крис подошел к бару, достал графин и два стакана. Он подался к окну, раздвинул планки жалюзи и тут же потянул за шнур, чтобы отодвинуть их в стороны.

– Это еще что такое?

– В чем дело? – спросил Хафф.

- Во двор въехала машина шерифа.
- Ну и что ты всполошился? Сегодня день выплаты.
- Крис ответил ему, не отрываясь от окна:
- Я так не думаю. Он кого-то привез с собой.
- Кого?
- Впервые вижу этого парня.

Крис налил виски, передал стакан отцу, но все трое молчали, слушая, как Селма идет из кухни к парадной двери, чтобы впустить приехавших. Экономка поздоровалась с ними, но все говорили так тихо, что отдельных слов было не разобрать. Селма вошла первой.

– Мистер Хойл, шериф Харпер хочет поговорить с вами.

Хафф махнул рукой, чтобы онапустила его.

Шериф Ред Харпер был избран на эту должность тридцать лет назад при моральной и финансовой поддержке Хаффа Хойла. Чековая книжка Хойла помогала ему оставаться на посту все эти годы.

Волосы Харпера, огненные в молодости, поблекли, словно голову покрыла ржавчина. Ростом он был выше шести футов, но оставался настолько худым, что португеза казалась упряжью, повешенной на фонарный столб.

Шериф выглядел неважно, и это было не только из-за жары на улице. Выражение его лица, крупного и угрюмого, словно говорило о том, какую тяжелую ношу он взвалил на себя тридцать лет назад. Он всем своим видом давал понять, что слишком дешево продал душу дьяволу. Харпер никогда не был весельчаком, а когда вошел в комнату, шаркая ногами, и снял шляпу, вид у него был похоронный.

Молодой офицер, переступивший порог следом за ним, незнакомый Хойлам и Мерчену, выглядел так, будто его накрахмалили вместе с формой. Он был так чисто выбрит, что щеки покраснели от бритвы. Парень напоминал спринтера, напряженно застывшего на беговой дорожке в ожидании сигнального выстрела.

Ред Харпер кивком поздоровался с Бекем и перевел взгляд на Криса, стоящего за отцовским креслом. Потом он посмотрел на Хаффа, который вальяжно раскинулся в красном кожаном кресле.

– Привет, Ред.

– Здравствуй, Хафф. – Шериф не смотрел хозяину дома в глаза, он вертел в руках свою шляпу.

– Выпьешь что-нибудь?

– Нет, спасибо.

Хафф никогда не вставал, если в комнату входили. Так он демонстрировал свою власть, и все в округе знали это. Но на этот раз Хойл не усидел на месте. Нетерпение заставило его вскочить с кресла.

– В чем дело? Кто это такой? – Он смерил взглядом спутника шерифа.

Ред откашлялся. Опустив руку со шляпой вниз, он принялся нервно похлопывать ею по бедру. Прошло немало времени, прежде чем Харпер решился взглянуть Хаффу в глаза.

И тогда Бек понял, что шериф приехал вовсе не за ежемесячным вознаграждением.

2

Сэйри Линч не узнавала скоростное шоссе, хотя много раз ездил по этому отрезку между аэропортом Нового Орлеана и Дестини. Но на этот раз все казалось ей новым.

Во имя прогресса все, что отличало этот уголок страны, было уничтожено или замаскировано. Очарование сельских районов Луизианы принесли в жертву безвкусной рекламе. Под напором коммерции не выжило почти ничего живописного или оригинального. Сэйри увидела бы то же самое в любом уголке США.

Фастфуд вытеснил уютные кафе. Хлебные палочки и крекеры заменили домашние пироги с мясом и сдобные булочки. Написанные от руки вывески исчезли под напором неона. Вместо черных досок с написанным мелом меню о блюдах сообщал механический голос возле окошка заказа.

За те десять лет, что Сэйри не была в этих местах, величественные дубы с повисшим на ветвях испанским мхом были выкорчеваны бульдозером, уступив место новым конструкциям автострады. Из-за этого просторы таинственных болот, подступавших вплотную к дорожному полотну, стали казаться меньше. Густые заросли были смяты под натиском съездов и выездов, заполненных машинами.

До этой минуты Сэйри не осознавала, насколько скучает по дому. Именно все эти перемены заставили ее затосковать по тому, как все было раньше. Ей не хватало острого запаха кайенского перца и опилок и снова захотелось услышать неповторимый диалект людей, которые когда-то подавали кейджунские блюда, на приготовление которых уходило намного больше времени, чем три минуты.

Современные супертрассы позволяли путешествовать быстрее, но Сэйри вспоминались узкие дороги, к которым так близко подкрадывались деревья, что их ветви сплетались, образуя туннель, а сквозь листву пробивалось солнце, рисуя причудливые узоры на асфальте.

Ей снова хотелось ехать с открытыми окнами, вдыхая не автомобильные выхлопы, а мягкий воздух, пропитанный ароматами жимолости и магнолии с легкой примесью мускусного запаха болот.

Перемены, произошедшие за последние десять лет, были оскорблением для ее чувств и ударом по воспоминаниям о тех местах, где она выросла. Но Сэйри понимала, что перемены, произошедшие в ней самой, были не менее значительны, пусть они и меньше бросались в глаза.

В последний раз она ехала по этой дороге в обратном направлении, когда уезжала из Дестини. В тот день, чем больше миль оставалось между ней и домом, тем легче становилось у нее на душе, словно она сбрасывала слой за слоем накопившуюся в душе боль. И вот теперь она возвращалась, и страх, обуревавший ее, казался тяжелее цепей каторжника.

Тоска по родным местам никогда не заставила бы Сэйри вернуться. Только смерть ее брата Дэнни вынудила ее приехать. Судя по всему, он достаточно долго противостоял Хаффу и Крису, а потом вырвался из-под их власти единственным способом, который оставался в его распоряжении.

Первое, что увидела Сэйри, подъезжая к Дестини, были трубы. Они воинственно устремлялись в небо над городом, огромные, черные, уродливые. Они, как в любой день в году, выплевывали дым. Слишком неэффективно и накладно было бы загасить печи даже из-за траура по Дэнни. Хорошо зная отца, Сэйри догадывалась, что тому даже в голову не пришло почтить подобным образом память самого младшего ребенка.

На щите у въезда в город красовалась надпись: «Добро пожаловать в Дестини, вотчину «Хойл Энтерпрайсиз». Нашли, чем хвастаться, с тоской подумала Сэйри. Доменные печи сделали Хаффа богатым, но это благополучие было построено на крови.

Молодая женщина вела машину по знакомым улицам, по которым впервые проехала на велосипеде и где позже училась водить машину. Подростком она разъезжала по ним с подружками в поисках развлечений.

В квартале от первой объединенной методистской церкви она услышала звуки органа, подаренного ее матерью, Лорел Линч Хойл. На нем была медная табличка, извещающая об этом. Прихожане гордились инструментом, потому что это был единственный орган в городе. Ни в одном из католических храмов органа не было, хотя в Дестини жили в основном католики. Ее мать сделала щедрый дар от всего сердца, но орган все равно стал символом того, как Хойлы правят в своем городе и управляют его жителями, не позволяя никому переплюнуть их.

У Сэйри разрывалось сердце при мысли о том, что орган Лорел играл погребальную песню для одного из ее детей, ушедшего из жизни на пятьдесят лет раньше, чем следовало бы, и по своей собственной воле.

Сэйри узнала обо всем в воскресенье вечером, когда вернулась в свой офис после встречи с клиентом. Обычно она по выходным не работала, но Джек Мастерс не мог встретиться с ней в другое время. Помощница Сэйри, Джулия Миллер, проработавшая с ней уже пять лет, никогда бы не позволила своему шефу работать, если бы не работала сама. Пока Сэйри вела переговоры с Мастерсом, Джулия занималась документами.

Когда Сэйри вернулась, Джулия передала ей розовый листок с записанным сообщением.

– Этот джентльмен звонил трижды, мисс Линч. Я не дала ему номер вашего сотового, хотя он этого требовал.

Сэйри бросила взгляд на код города, смяла листок и бросила в мусорную корзину.

– Я не хочу говорить ни с кем из моих родственников.

– Он не ваш родственник. По его словам, он работает на вашу семью. Ему необходимо было поговорить с вами как можно быстрее.

– Я не желаю разговаривать и с теми, кто работает на мою семью. Есть еще сообщения? Может быть, мистер Тейлор все же позвонил? Он обещал, что кайма непременно будет готова к завтрашнему дню.

– С вашим братом несчастье, – выпалила Джулия. – Он мертв.

Сэйри тут же вышла из своего кабинета в приемную и долго смотрела в окно на мост Золотые Ворота. Из плотного тумана выступали лишь верхушки оранжевых опор. Вода в заливе была серой, холодной, сердитой и пугающей.

Не оборачиваясь к секретарше, она спросила:

– Который?

– Что – который?

– Кто из братьев?

– Дэнни.

Младший брат дважды звонил ей за прошедшие два дня. И Сэйри отказывалась разговаривать с ним.

Сэйри повернулась к Джулии. Та с сочувствием посмотрела на нее и сказала:

– Ваш брат, Сэйри, умер сегодня днем. Мне казалось, что вам будет лучше услышать об этом от меня, а не по сотовому телефону от постороннего.

Сэйри громко выдохнула воздух сквозь сжатые губы.

– Как это случилось?

– Думаю, вам следует поговорить с мистером Мерченотом, который звонил вам.

– Джулия, прошу вас, скажите мне, как умер Дэнни.

Женщина негромко ответила:

– Судя по всему, он покончил с собой. Примите мои соболезнования. – Немного помолчав, она добавила: – Это вся информация, которую сообщил мне мистер Мерчент.

Сэйри ушла в свой кабинет и закрыла дверь. Она слышала, как в приемной несколько раз звонил телефон, но Джулия не переводила звонки к ней, понимая, что ей необходимо побыть одной, чтобы осознать случившееся.

Неужели Дэнни звонил ей, чтобы сказать последнее «прости»? Если так, то как ей жить дальше с чувством вины? Ведь она отказалась с ним разговаривать.

Прошло около часа, и Джулия негромко постучала в кабинет Сэйри.

– Войдите, – пригласила она. Когда Джулия переступила порог, Сэйри сказала: – Вам незачем оставаться дольше, Джулия. Идите домой. Со мной все будет в порядке.

Секретарша положила на стол листок бумаги.

– У меня еще есть дела. Позвоните, если я вам понадобится. Принести вам что-нибудь?

Сэйри покачала головой. Джулия вышла и прикрыла за собой дверь. На листке оказались записаны дата и время похорон: вторник, одиннадцать утра.

Сэйри не удивилась тому, что похороны назначили так скоро. Хафф Хойл всегда действовал быстро. Отцу и Крису не терпелось поскорее разделаться с неприятным делом, похоронить Дэнни и продолжать жить дальше как ни в чем не бывало.

Но в том, что похороны назначили на вторник, было одно преимущество. У Сэйри не оставалось времени на борьбу с собой, некогда было думать, ехать или не ехать. Ей требовалось быстро принять решение.

В понедельник утром она вылетела в Новый Орлеан через Даллас и Форт-Уорт и оказалась на месте ближе к вечеру. Сэйри прошла по Французскому кварталу, поужинала в ресторанчике, где подавали знаменитый гумбо, суп из стручков бамии, и переночевала в отеле «Виндзор-корт».

Хотя гостиничный номер оказался комфортным, Сэйри так и не смогла уснуть. Ей отчаянно не хотелось возвращаться в Дестини. Это было глупо, но родной город представлялся ей ловушкой, из которой она больше не сумеет выбраться и навсегда останется во власти Хаффа.

Рассвет не прогнал ее страхи. Она встала, оделась для похорон и отправилась в Дестини, планируя приехать прямо к началу траурной церемонии и не собираясь задерживаться ни на минуту после ее окончания.

Машины приехавших на похороны занимали все парковки на улицах вокруг церкви. Сэйри пришлось оставить машину в нескольких кварталах от словно сошедшей со страниц книги красивой церкви с витражными окнами и белой колокольней. Когда она ступила на высокое крыльцо, украшенное колоннами, колокол прозвонил одиннадцать раз.

В вестибюле церкви было значительно прохладнее, чем на улице, но Сэйри заметила, что многие из сидящих под высокими сводами обмахиваются бумажными веерами, потому что кондиционер не справлялся с жарой. Когда она села в заднем ряду, хор закончил петь первый гимн и на кафедру поднялся пастор.

Пока все склонили головы в молитве, Сэйри смотрела на гроб, стоявший перед алтарем. Гроб был закрытым. Да ей и не хотелось видеть Дэнни, лежащего на атласных подушках, подобно восковой кукле. Чтобы не думать об этом, Сэйри сосредоточилась на белых каллах на крышке гроба.

Из-за большого количества людей она не видела отца и брата, но, вероятно, они со скорбными лицами сидели в первом ряду.

Она услышала свое имя, когда пастор перечислял ныне здравствующих членов семьи, присутствующих на церемонии.

– Сестра, Сэйри Хойл, из Сан-Франциско.

Ей захотелось встать и крикнуть, что она больше не носит фамилию Хойл. После второго развода Сэйри пользовалась своим вторым именем, которое было девичьей фамилией ее матери. Она официально превратилась в Сэйри Линч. Именно так было записано в ее дипломе, в деловых бумагах, в водительских правах и паспорте.

Она больше не была Хойл, но не сомневалась ни минуты, что тот, кто дал пастору неверную информацию, сделал это намеренно.

Проповедь оказалась какой-то ученической, словно взятой из учебника для семинаристов, да и сам розовощекий пастор казался слишком молодым даже для того, чтобы голосовать. Его комментарии были обращены ко всем людям, он почти не упоминал о самом Дэнни. Не прозвучало ничего личного, ничего запоминающегося. И Сэйри почувствовала себя еще хуже, ведь даже она, родная сестра усопшего, не захотела поговорить с ним по телефону.

Когда служба завершилась пением гимна, среди собравшихся раздалась всхлипывания. Гроб несли Крис, незнакомый Сэйри белокурый мужчина и четверо служащих компании Хойла. Они прошли по центральному проходу к дверям.

Они двигались медленно, и у Сэйри было время хорошенько рассмотреть Криса. Он оставался все таким же стройным и красивым. В его внешности сохранилась некоторая слащавость, свойственная кинозвездам тридцатых годов. Исчезли только тоненькие усики. Волосы были по-прежнему черными, словно вороново крыло. Но теперь Крис стриг их короче, чем раньше. Спереди волосы были намазаны гелем и стояли дыбом. Несколько странный вид для мужчины за тридцать, но Крису это шло. Его темные глаза всегда действовали на людей гипнотически, его взгляд притягивал и не отпускал собеседника.

Хафф Хойл шел за гробом. Даже печальные обстоятельства не заставили его забыть о свойственном ему надменном виде. Он распрямил плечи, высоко нес голову. Его ноги ступали твердо, словно он был завоевателем, обладающим исключительным правом попирать землю.

Губы отца сложились в твердую тонкую решительную линию, которую так хорошо помнила Сэйри. Глаза казались сверкающими черными булавочными головками, напоминая глаза плюшевых игрушек. Они были ясными и сухими. Хафф не оплакивал Дэнни. С тех пор, как Сэйри виделась с отцом в последний раз, его волосы из темных с проседью превратились в совершенно белые, и он, как всегда, стриг их по-военному коротко. Он немного прибавил в весе, появился небольшой живот, но выглядел крепким.

К счастью, ни Крис, ни Хафф ее не заметили.

Чтобы не толкаться в толпе и избежать встреч со знакомыми, Сэйри вышла через боковую дверь. Ее машина двигалась последней в процессии, направившейся к кладбищу. Она припарковалась как можно дальше от тента, натянутого над свежевырытой могилой.

Мрачными группами или по одному люди поднимались по небольшому холму к тому месту, где должен был навеки упокоиться Дэнни. Большинство надели лучшие воскресные наряды, хотя под мышками проступили полукружья пота, а из-под ободка шляп тек пот. Ноги жарились в слишком закрытых для такой погоды ботинках.

Многих из них Сэйри знала и помнила по фамилии. Эти жители Дестини никуда не уезжали из города. Некоторые владели небольшим бизнесом, но большинство работали на Хойла в том или ином качестве.

Она заметила нескольких директоров школ. Ее мать всегда хотела, чтобы дети получили лучшее образование в самых элитарных школах Юга, но Хафф остался непреклонным. Он считал, что они должны стать настоящими бойцами и расти под его присмотром.

На любые доводы он отвечал одинаково: «Частная школа – это не то место, где узнаешь о жизни все и научишься сражаться за свое место под солнцем». Как бывало всегда, его жена уступила со смиренным вздохом.

Сэйри осталась в машине с включенным мотором. Панихида оказалась совсем короткой. Как только она закончилась, люди тут же поспешили к своим машинам, изо всех сил скрывая свою торопливость.

Хафф и Крис последними ушли из-под тента, пожав на прощание руку священнику. Сэйри видела, как они прошли к лимузину, предоставленному похоронным бюро Уэйра. Удивительно, но старый мистер Уэйр все еще сам водил лимузин, хотя ему давно пора уже было отправиться на покой.

Он открыл дверцу для Криса и Хаффа и держался в стороне, пока они разговаривали с обладателем белокурой копны волос. Когда разговор закончился, они уселись в машину, мужчина помахал им на прощание, Уэйр сел за руль, и лимузин покатило прочь. Сэйри была рада тому, что они уехали.

Она выждала еще десять минут, пока не разошлись последние из пришедших на похороны. Только тогда она заглушила мотор и вышла из машины.

– Ваша семья попросила меня проводить вас в дом на поминки.

Измученная Сэйри обернулась слишком быстро, и от каблучков ее туфель во все стороны полетел гравий.

Блондин стоял, прислонясь к заднему крылу ее машины. Он снял пиджак и повесил его на руку. Галстук был распущен, верхняя пуговица рубашки расстегнута, рукава закатаны до локтя, на носу сидели солнечные очки.

– Я Бек Мерцент.

– Я догадалась.

Сэйри видела его фамилию только на бумаге и гадала, произносит он ее на французский или на английский манер. Бек выбрал английское произношение. Это был стандартный американский вариант, да и выглядел он настоящим американцем, от пепельно-белозубых волос и сияющей белозубой улыбки до костюма от Ральфа Лорена.

Не обращая внимания на неприветливость Сэйри, он продолжал:

– Рад с вами познакомиться, мисс Хойл.

– Линч.

– Я запомню. – Он говорил вежливо, но улыбка была насмешливой.

– Разве в ваши обязанности входит эскорт гостей? Мне казалось, вы их адвокат, – не удержалась от сарказма Сэйри.

– Адвокат, посыльный...

– Прихвостень.

Бек прижал ладонь к сердцу и улыбнулся еще шире.

– Вы слишком высоко меня цените.

– Не уверена. – Сэйри с силой захлопнула дверцу машины. – Вы передали их приглашение. Скажите своим хозяевам, что я от него отказалась. А теперь я хотела бы немного побыть одна, чтобы попрощаться с Дэнни. – Она развернулась и пошла вверх по холму.

– Не торопитесь. Я вас подожду.

Сэйри снова повернулась к Беку.

– Я не пойду на эти проклятые поминки. Как только я попрощаюсь с братом, я сразу же вернусь в Новый Орлеан и первым же самолетом улечу в Сан-Франциско.

– Вы можете уехать. Но можете поступить достойно и посетить поминки по вашему брату. А вечером самолет «Хойл Энтерпрайзиз» мигом доставит вас в Сан-Франциско, и вы избежите суеты и толкотни коммерческого рейса.

– Я могу нанять собственный самолет.

– Это еще лучше.

Сэйри сама на это напросилась и возненавидела себя за промах. Она в Дестини всего час, а уже вернулась к своим прежним привычкам. Но она давно научилась распознавать ловушки и избегать их.

– Нет, благодарю вас. До свидания, мистер Мерчент. – Сэйри снова начала свое восхождение к могиле.

– Вы верите в то, что Дэнни покончил с собой?

Этого она никак не ожидала. Сэйри снова повернулась к Мерченту. Он уже отошел от машины и стоял совсем близко от Сэйри, чтобы, как ей показалось, не только услышать ответ на свой неожиданный вопрос, но и увидеть ее реакцию.

– А вы не верите?

– Во что верю я, значения не имеет. В самоубийстве сомневается шериф.

3

– Это вам на закуску, мистер Крис, – сказала Селма, передавая ему большую тарелку с едой.

– Спасибо.

– А вам что положить, мистер Хойл? – Предполагалось, что экономка не будет работать в этот день, но она все же надела фартук поверх черного платья, который смотрелся странно и нелепо в сочетании со шляпкой, которую Селма так и не сняла после похорон.

– Я поем позже, Селма.

– Вы не голодны?

– Слишком жарко, чтобы есть.

Балкон над галереей давал достаточно тени, но этого было мало, чтобы избавиться от зноя. Под потолком вращались вентиляторы, но их лопасти только гоняли горячий воздух. Хафф все время вытирал платком мокрое лицо. Внутри работал кондиционер, но хозяин дома считал, что именно на крыльце они с Крисом должны встречать тех, кто приехал выразить соболезнования.

– Если вам что-нибудь потребуется, сэр, только позовите, и я все принесу. – Утерев слезы с глаз, Селма прошла в дом через высокую парадную дверь, которую она сама украсила большим креповым черным бантом.

Она не хотела, чтобы поминками занимались приглашенные помощницы, потому что терпеть не могла посторонних на кухне. Но Хафф настоял на этом. Селма не справилась бы с готовкой на такое количество гостей. Узнав о смерти Дэнни, она все время плакала и то и дело падала на колени, взывая к господу и моля его о милосердии.

Селма работала в доме Хойлов с того самого дня, когда Хафф перенес Лорел через порог в день их свадьбы, то есть больше сорока лет. Лорел выросла в доме, где всегда были слуги, поэтому для нее было совершенно естественно вручить бразды правления домашним хозяйством Селме. Уже тогда негритянка была женщиной среднего возраста, по-матерински заботливой и домашней. Никто не знал, сколько ей лет на самом деле. Она всегда была очень худенькой, но при этом сильной и гибкой, как ивовый прут.

Когда родились дети, Селма стала для них нянькой. После смерти Лорел еще совсем маленький Дэнни больше других нуждался в заботах Селмы. Она вырастила его, и между ними были особые отношения. Экономка тяжело переживала смерть своего любимца.

– Я видел буфет в столовой, – сказал Крис, поставив нетронутую тарелку на плетеный столик. – Там просто неприличное количество еды и выпивки, тебе так не показалось?

– Так как ты никогда в жизни не голодал, то считаю, ты не вправе рассуждать, много еды или мало.

В душе Хафф был согласен с сыном. Он и в самом деле перестарался. Но Хойл всегда работал как проклятый, чтобы у его детей было все самое лучшее. Не станет он экономить на поминках младшего сына.

– Ты собираешься прочесть мне лекцию о том, что я не ценю то, что имею, и не знаю, не в пример тебе, каково это – обходиться крохами?

– Я не жалею, что бедствовал. Нищета заставила меня трудиться, чтобы никогда снова не оказаться без гроша. Она сделала меня таким, каков я сейчас. И ты такой, какой есть, из-за меня.

– Расслабься, Хафф. – Крис сел в одну из качалок. – Я давно все выучил наизусть. Я вырос на твоих нравоучениях. Незачем повторять все снова сегодня.

Хафф почувствовал, что давление стало немного ниже.

– Нет, мы не будем ничего повторять. Вставай, вон еще гости.

Сын встал чуть позади отца, когда на крыльцо поднялась пара.

– Как поживаешь, Джордж? Здравствуй, Лайла. Спасибо, что пришли, – приветствовал их Хафф.

Джордж Робсон сжал руку Хойла обеими ладонями. Они были влажные, пухлые, бледные. «Как и сам Джордж», – с отвращением подумал Хафф.

– Дэнни был прекрасным молодым человеком, Хафф. Такие люди редкость.

– Ты прав, Джордж. – Хафф выдернул руку и с трудом справился с желанием вытереть ее о штанину. – Благодарю тебя за эти слова.

– Какая трагедия!

– Да, это так.

Вторая, совсем молоденькая жена Джорджа молчала, но Хафф заметил, что она украдкой посмотрела на Криса, который ей улыбнулся.

– Лучше тебе увести эту сладкую красотку в дом, Джордж, – заметил Хойл-младший. – Иначе она растает. Буфет в столовой.

– Там достаточно джина, Джордж, – добавил Хафф. – Попроси бармена налить тебе побольше.

Робсону было явно приятно, что могущественный Хойл помнит о его любимом напитке, и он поторопился увести жену в дом. Как только они отошли на достаточное расстояние, Хафф повернулся к Крису.

– И давно ты спишь с этой Лайлой?

– С прошлой субботы, когда Джордж возил на рыбалку сына от первого брака. – Крис ухмыльнулся и добавил: – Со вторыми женами всегда удобнее. У мужей уже есть дети, которые держат их вдали от дома по меньшей мере два уик-энда в месяц.

Хафф ослабился.

– Раз уж мы заговорили о женах, ты говорил с Мэри Бет? Или ты только развлекался с Лайлой Робсон?

– Наше общение заняло около пяти секунд.

– Ты сообщил ей о Дэнни?

– Как только она произнесла «алло», я тут же выпалил: «Мэри Бет, Дэнни застрелился», а она мне ответила: «Значит, моя доля наследства станет больше».

У Хаффа снова подскочило давление.

– Ее доля, черт побери! Эта девка не получит ни единого цента из моих денег, если не даст тебе развод. И не тогда, когда ей заблагорассудится, а немедленно. Ты спрашивал ее о бумагах на развод, которые мы ей послали?

– Прямо не спрашивал, но Мэри Бет не станет ничего подписывать.

– Тогда верни ее и сделай ей ребенка.

– Не могу.

– Ты не хочешь.

– Я не могу.

Встревоженный мрачным тоном сына, Хафф повернулся к нему.

– Почему это? Есть что-то, о чем ты мне не говоришь? Я чего-то не знаю?

– Мы поговорим об этом позже.

– Мы поговорим об этом сейчас!

– Сейчас не время, Хафф, – Крис говорил серьезно. – И потом ты покраснел, а мы знаем, что это значит, если помнить про твое давление. – Он направился к двери. – Я принесу выпить.

– Подожди. Ты только посмотри на это.

Следом за отцом Крис посмотрел на дорожку перед домом, где Бек шел к только что остановившейся машине. Он открыл дверцу водителя и протянул руку.

Сэйри вышла на дорожку, но руку Бека проигнорировала. Казалось, что она едва сдерживается, чтобы не зашипеть на него, если он до нее дотронется.

– Черт меня побери, – присвистнул Крис.

Они с отцом смотрели, как эти двое идут к дому. На полдороге Сэйри подняла голову и взглянула на дом из-под широких полей черной соломенной шляпы. Увидев брата и отца на крыльце, она повернулась и пошла к дорожке, ведущей к задней двери.

Хафф смотрел ей вслед, пока она не скрылась за углом дома. Он не знал, чего ждать от дочери, появившейся после десятилетнего отсутствия. Но он был горд тем, что увидел. Сэйри Хойл – плевать ему на то, что она сменила фамилию, – была просто красавицей. Настоящей красавицей. С его точки зрения, лучшего и желать было нельзя.

Бек подошел к ним.

– Я сражен, – прокомментировал Крис. – Я думал, она тебя пошлет.

– Ты недалеко от истины.

– Что случилось?

– Как вы и думали, Хафф, Сэйри собиралась уехать, не повидавшись с вами.

– И как же ты ее сюда заманил?

– Я воззвал к ее чувству семейной верности и приличий.

Крис фыркнул.

– Она всегда была такой злой? – спросил Бек.

Крис ответил «да» в ту же секунду, когда Хафф сказал:

– Девочка всегда была немного нервной.

– Моя сестрица всегда была занозой в заднице, отец просто мягко выразился. – Крис обвел глазами двор. – Думаю, все уже собрались. Идемте в дом и отдадим Дэнни должное.

Дом был битком набит людьми, и это не удивило Бека. Любой человек, знакомый с Хойлами или даже отдаленно связанный с ними, обязательно явился бы, чтобы почтить память того из них, кто умер.

Служащие высшего звена компании явились с женами. Пришли и несколько рабочих. Бек знал, что они начали работать на Хойла еще в юности. Они держались в стороне от остальных гостей, отличаясь от прочих галстуками на резинке и рубашками с короткими рукавами. Им явно было не по себе в доме Хаффа Хойла, и они неловко пытались удерживать тарелки с едой и не расплескать содержимое бокалов.

Не могли не появиться и лизоблюды, старавшиеся снискать расположение Хойлов, потому что от этого зависело их благосостояние. Местные политики, банкиры, преподаватели, хозяева магазинов и врачи, все жили от щедрот Хойла. Поссоришься с Хойлом – попрощайся с бизнесом. Это неписаное правило помнил каждый. Все эти люди старались расписаться в книге гостей, чтобы Хафф, если им не удастся поговорить с ним лично, все-таки знал, что они приходили и выразили свое почтение.

Самой немногочисленной была группа тех, кто пришел действительно ради Дэнни, и они выделялись из толпы искренней скорбью на лицах, держались вместе, негромко и печально переговаривались между собой. Им не о чем было говорить с Бекком, Хаффом или Крисом и было наплевать на них. Возможно, они боялись подойти к ним. Друзья Дэнни оставались положенное время, потом ушли.

Бек перемещался между гостями и принимал соболезнования почти как член семьи.

Сэйри общалась тоже, но только с гостями. Она избегала Бека, Хаффа и Криса, игнорировала их, делала вид, что ее родных нет в зале. Люди держались с ней отчужденно, если она подходила к ним, и Бек это заметил. Дочь Хойла была для них чужой. Она вела себя дружелюбно, но им становилось не по себе от ее изысканности.

Мерчену лишь однажды удалось встретиться с ней взглядом. Сэйри шла под руку с Селмой и утешала экономку, рыдавшую у нее на плече. Она заметила взгляд Бека, но посмотрела сквозь него.

Прошло не меньше двух часов, прежде чем толпа начала редеть. Бек подошел к Крису, отлично проводившему время у буфета.

– Где Хафф?

– Курит в кабинете. Ветчина отличная. Ты ел?

– Позже поем. С Хаффом все в порядке?

– Думаю, он устал. Последняя пара дней оказалась нелегкой.

– А ты как?

Крис пожал плечами.

– Ты же знаешь, у нас с Дэнни были разногласия. Но все-таки он был моим братом.

– Пойду проверю, как там Хафф, а ты оставайся за хозяина.

– Благодарю вас, сэр, – съязвил Крис.

– Не отчаивайся, все не так плохо. Я видел Лайлу Робсон. – Крис успел похвастаться своей последней победой, подтвердив то, что Бек давно подозревал: муж Лайлы просто недо-тепа. – Мне показалось, она скучает, – заметил Бек. – Похоже, она была бы не против, чтобы кто-то составил ей компанию.

– Нет, крошка дуется.

– Почему?

– Лайла думает, что нас с ней связывает только секс.

– И с чего же это она так решила? – саркастически поинтересовался Бек.

– Откуда мне знать? Женушка Робсона начала жаловаться на это сразу же после того, как отсосала мне в ванной наверху. – Крис взглянул на часы. – Это было минут десять назад.

Бек посмотрел на него.

– Ты шутишь?

Крис пожал плечами, ничего не подтверждая и не отрицая.

– Пойди проверь, как там Хафф, – сказал он. – Я прослежу, чтобы этот сброд не сбежал с семейным серебром.

Бек нашел Хаффа курящим в уютном кресле.

– Не возражаете, если я немного посижу с вами?

– Кто тебя прислал? Крис или Селма? Я точно знаю, что это не Сэйри. Она бы не стала обо мне беспокоиться.

– Я не могу говорить за нее, – Бек сел на диван, – а вот я за вас тревожусь.

– Я в норме. – Хафф выпустил облако дыма в потолок.

– Вы отлично держитесь, но вы только что потеряли сына, и вам, должно быть, приходится несладко.

Хойл-старший молча курил, потом ответил:

– Знаешь, я думаю, что Дэнни стал бы любимчиком Лорел.

Бек подался вперед, оперся локтями о колени.

– Почему?

– Потому что он был похож на нее. – Хафф посмотрел на Бека. – Я когда-нибудь рассказывал тебе о Лорел?

– Так, кое-что.

– Она была именно такой, какую я искал, Бек. Может, не слишком умная, но, черт побери, кому это нужно! Лорел была нежной, уступчивой и красивой.

Бек кивнул. Портрет маслом на парадной лестнице являл женщину нежную, уступчивую и красивую. Но он не мог не думать о том, что особую привлекательность Лорел придавал литейный завод, принадлежавший ее отцу, на которого работал Хафф.

– Я был грубым, неотесанным сквернословом. А она была утонченной леди, знала, что какой вилкой брать.

– И как же вы уговорили ее выйти за вас замуж?

– Я взял Лорел напором, – Хафф хмыкнул при воспоминании об этом. – Я заявил: «Лорел, ты будешь моей женой». И она согласилась. Мужчины всегда ходили вокруг нее на цыпочках. Думаю, ей понравилась моя прямота. – Хойл посмотрел на кольца дыма. – Ты, наверное, не поверишь мне, Бек, но я ей не изменял. Ни разу. Я пошел к другой женщине, только когда после смерти Лорел прошло приличное количество времени. Мне казалось, я в долгу перед ней.

Хафф надолго задумался, потом продолжал:

– Когда Лорел забеременела, я чуть с ума не сошел от гордости. Я знал, что родится мальчик. Иначе просто быть не могло. Крис стал моим с той самой секунды, когда его вытащили из нее и передали мне. В те времена отцов не допускали в родовую палату. Но я подкупил персонал – пожертвовал кучу денег больнице, – и меня впустили. Я хотел быть первым, кого увидит мой сын, когда появится на свет.

С самого рождения Крис был моим. И я с легкостью отдал Сэйри жене. Девочка стала для нее живой куклой, которую наряжали в красивые платьица. Для нее устраивались пикники, чаепития в саду, ее учили верховой езде. Но если бы Лорел осталась жива, они бы с Сэйри разругались вдрызг. Моя дочь не из тех, кто любит званые чаепития. Ты ведь заметил?

Бек только кивнул.

– Сэйри наплевать на все, что было так ценно для Лорел. – Хафф вздохнул. – А вот Дэнни... Мать молилась бы на него. Он настоящий джентльмен. То есть он был настоящим джентльменом. Как и Лорел, он опоздал родиться лет на сто. Ему следовало бы жить в те времена, когда все одевались в белое, играли в крокет. Он бы потягивал коктейль-шампань на галерее. Тогда безделье было искусством.

Хафф посмотрел на Бека, и выражение нежности, вызванное на его лице воспоминаниями, тут же исчезло.

– Дэнни не был предназначен для бизнеса, особенно для нашего. Наш бизнес слишком грязный. Недостаточно чистый для такого, как он.

– Но Дэнни хорошо работал, Хафф. Рабочие любили его.

– Они не должны нас любить. Они должны бояться нас до холодного пота. Как только мы появляемся, у них должны дрожать коленки.

– Согласен, но Дэнни служил буфером. Он был для них доказательством, что мы тоже люди. До известной степени хотя бы.

Хафф покачал головой:

– Не спорь, Дэнни был слишком мягкосердечным и податливым, чтобы стать бизнесменом. Он всегда всем уступал. С ним слишком легко было справиться.

– Вы сами часто так поступали, – напомнил Бек.

Хафф кивнул в знак согласия:

– Черт возьми, согласен. Дэнни хотел, чтобы все были счастливы. Я знал это за ним и использовал в моих интересах. Только Дэнни так и не понял, что невозможно всех сделать счастливыми. Если только попытаешься, тебя сметут раньше, чем ты начнешь.

К несчастью, мой сын слушал не только меня. Мне неприятно говорить о нем плохо, но я всегда называл черное черным. Я могу быть честным, говоря о характерах моих детей. Дэнни был слабаком.

Хотя Бек не стал возражать, он сам никогда бы не использовал слово «слабый», чтобы описать характер Дэнни. Благодарение богу, он никогда не впивался сразу в горло, как его отец и брат – или как сам Бек, кстати. Но и у мягкости есть свои преимущества. Мягкий

человек не обязательно слабый. Дэнни очень быстро во всем разбирался и понимал, где проходит граница между добром и злом.

Бек размышлял о том, не послужили ли высокие моральные принципы причиной гибели Дэнни.

Хафф последний раз затянулся и загасил сигарету.

– Мне пора вернуться к гостям.

Оба встали, и Бек сказал:

– Вчера вечером я положил папку на стол в вашей спальне. Вероятно, у вас не было возможности заглянуть в нее.

– Нет. А что там?

– Я просто хотел, чтобы вы просмотрели ее. Мы можем поговорить об этом позже.

– Хотя бы намекни.

Бек знал, что о бизнесе Хафф готов говорить всегда, даже в день похорон сына.

– Вы слышали когда-нибудь о человеке по имени Чарльз Нильсон?

– Не припоминаю. А кто он?

– Адвокат профсоюзов.

– Ублюдок.

– Это определенно синонимы, – криво улыбнулся Бек. – Он написал нам письмо. Копию я положил в папку. Мне необходимо знать, как вы хотите, чтобы я ему ответил. Это не срочно, но ответить надо. Так что не ждите слишком долго, просмотрите письмо.

Они вместе пошли к двери.

– Этот Нильсон, что он за адвокат?

Бек замялся, но, когда увидел, что Хафф начинает сердиться, махнул рукой, словно говоря «я сам этим займусь».

– Он делает репутацию в другой части страны, – ответил Бек. – Но мы сможем справиться с ним.

Хафф похлопал его по спине.

– Я доверяю тебе на все сто. Кто бы ни был этот сукин сын и кем бы себя ни мнил, от него только воспоминание останется, когда ты с ним закончишь.

Хойл открыл дверь. Через широкий холл они видели непарадную гостиную с высокими окнами, которую Лорел превратила в оранжерею. Там росли папоротники, орхидеи, фиалки и другие тропические растения. Комната была не только ее гордостью и радостью, а предметом гордости Клуба садоводов Дестини, председателем которого Лорел была несколько лет подряд.

После ее смерти Хафф нанял специалистов из Нового Орлеана, которые приезжали в Дестини раз в неделю, чтобы ухаживать за растениями. Он хорошо им платил, но не забыл пригрозить судебным иском, если хотя бы одно из растений погибнет. Оранжерея оставалась самым красивым помещением в доме, но туда почти никто никогда не заходил.

А теперь там за пианино спиной к ним сидела Сэйри, опустив голову к клавишам.

– Ты сможешь убедить Сэйри поговорить со мной, Бек?

– Я едва убедил ее поговорить со мной.

Хафф подтолкнул его вперед.

– Постарайся еще раз.

– Мы не могли бы начать с чего-нибудь полегче? – через плечо спросил Бек. – С Чарльза Нильсона, например? Или с Третьего рейха?

4

– Вы играете?

Сэйри повернулась. В оранжерею вошел Бек Мерчент, руки он засунул в карманы брюк. Он подошел к скамье, стоявшей у фортепьяно, с таким видом, словно ждал, что она подвинется и даст ему место. Но Сэйри не шевельнулась.

– Мне любопытно, мистер Мерчент.

– И мне тоже. Мне любопытно узнать, почему вы не называете меня Беком.

– Откуда Хафф узнал, что я приехала на похороны? Ему кто-то сообщил о том, что я еду?

– Он надеялся, что вы приедете, но никаких гарантий у него не было. Мы все разглядывали толпу, пытаюсь обнаружить вас.

– В церкви ни он, ни Крис не дали понять, что знают о моем присутствии.

– Но они знали.

– Что-то витало в воздухе?

– Нечто подобное, полагаю. Родственные связи. – Он помолчал, будто ждал, что она рассмеется. Когда Сэйри промолчала, Бек снова заговорил: – Неужели вы и в самом деле полагали, что темные очки и шляпа помогут вам остаться незамеченной?

– Я знала, что на похоронах будет много народу. Я надеялась затеряться в толпе.

Бек помолчал, потом заметил:

– Думаю, вы никогда не сумеете затеряться в толпе, Сэйри.

Комплимент был изящным, полным многозначительности и недосказанности. Она на него не напрашивалась и не любила лести. Так что если Мерчент рассчитывал на игривое «спасибо» с ее стороны, то его ожидало разочарование.

– Если бы вы не надели шляпу, Хафф и Крис сразу же заметили бы вас, – сказал Бек. – Я бы заметил, а мы ведь даже не были знакомы.

Шляпу Сэйри давно сняла – она давила на виски. Уйдя в оранжерею, Сэйри избавилась от заколки и распустила волосы. От влажного воздуха они снова стали виться, хотя обычно Сэйри не давала им такой возможности, высушивая феном и используя специальный бальзам для распрямления волос. Когда она проходила по коридору, то в одном из зеркал увидела свое отражение и поняла, что ее волосы снова превратились в непослушную гриву, как это бывало в юности.

Солнечные лучи, проникавшие в оранжерею ее матери, высвечивали каждый завиток, играли бликами на волосах. И то, как Бек Мерчент рассматривал ее волосы, заставило Сэйри пожалеть, что она не сидит в густой тени.

И еще ей не понравилось, что приходится запрокидывать голову, чтобы поговорить с ним. Альтернативой был разговор с пряжкой его брючного ремня. В любом случае она оказалась в невыигрышном положении. Намереваясь уйти, Сэйри скользнула к концу скамьи.

– Прошу прощения.

– Интересное имя.

Она замерла и посмотрела на него через плечо.

– Простите?

– Сэйри. Кто вас так назвал?

– Моя мать.

– Это семейное имя?

– Так звали ее бабушку по отцовской линии.

– Мне нравится.

– Спасибо. Мне тоже нравится.

– Долгое время после того, как я стал работать на вашу семью, я не знал, как оно правильно произносится.

– Как написано, так и произносится. Да и какое это имеет значение?

– Очевидно, никакого.

Сэйри снова сделала попытку уйти, но Бек помешал ей.

– Вы так и не ответили на мой первый вопрос, Сэйри.

На этот раз она повернулась к нему всем телом.

– Вы пытаетесь казаться умным?

– Нет, просто стараюсь поддержать разговор. Но что бы я ни сказал, вас все раздражает.

Отчего это?

Сэйри громко вздохнула и сложила руки на груди.

– Я не помню вашего вопроса.

Он кивком головы указал на фортепьяно:

– Вы играете?

– К сожалению, нет. Мама записала меня на уроки музыки, когда мне было восемь, и требовала, чтобы я занималась по часу каждый день. «Потому что молодая леди должна уметь играть на музыкальном инструменте», – так она говорила. – Сэйри улыбнулась, вспоминая, как мать выговаривала ей за нежелание заниматься каждый день. – Мама пыталась обуздать меня, но в конце концов сдалась, объявив меня необучаемой. Для игры на пианино необходимы способности и самодисциплина, а ни того, ни другого у меня не оказалось.

– В самом деле? – Бек сел рядом с ней, спиной к клавишам, бедро к бедру, лицом к лицу. – Вам не хватает самодисциплины?

– Я говорю о том времени, когда мне было восемь, – Сэйри старалась говорить непридуманно. – С тех пор многое изменилось.

– Надеюсь, не в ущерб необузданности. Рыжеволосая женщина с самодисциплиной – это потеря для общества.

Сэйри не доставила ему удовольствия и не прореагировала на эти слова, а сказала:

– Вы оправдываете мои ожидания. Я предполагала, что вы станете меня оскорблять.

– Оскорблять? Я пытался сделать вам комплимент.

– Вероятно, вам стоит почаще заглядывать в словарь.

– Зачем?

– Уточните, что значит комплимент.

Сэйри встала, прошла через оранжерею и остановилась у портьеры, отделяющей буйство зелени от главного вестибюля, полного собирающихся уходить гостей. Многие оставались и негромко выражали ей свое сочувствие.

Среди прочих был и шериф Ред Харпер. За последние десять лет его лицо стало еще более худым и длинным, но Сэйри все равно узнала его. Она видела, как перед уходом шериф пожал руку Хаффу и Крису и о чем-то шептался с ними. Увидев это, Сэйри вспомнила, зачем она вернулась в этот дом, хотя поклялась никогда этого не делать.

Бек Мерчент встал позади нее. Она почувствовала его близость. Сэйри спросила негромко, но внятно, чтобы он мог слышать ее:

– Шериф Харпер сомневается, что Дэнни покончил с собой?

– Давайте выйдем на улицу.

Он взял ее под локоть, но она тут же повернулась к нему лицом и выдернула руку.

– Лучше мы останемся здесь.

Ее отказ определенно разозлил Бека, правда, голоса он не повысил:

– Вы уверены, что нам стоит говорить об этом там, где нас могут подслушать?

Они долго смотрели друг на друга, и это было схваткой характеров. И все-таки Сэйри вышла из оранжереи и, не оглядываясь, направилась в заднюю часть дома, уверенная в том,

что Мерчент идет за ней следом. Когда они проходили через кухню, Селма, загружавшая посуду в посудомоечную машину, спросила, успели ли они поесть.

– Я поем позже, – ответила Сэйри.

– Я тоже, – поддержал ее Бек.

Они уже выходили через заднюю дверь, когда услышали слова экономки:

– Вам надо поесть. Силы вам еще понадобятся.

Не думая о том, куда идет, Сэйри шла через вылизанную зеленую лужайку по направлению к реке. Глинистый берег позади дома часто служил ей убежищем в детстве. Она приходила, чтобы погрузиться в одиночестве, если все получалось не так, как ей хотелось; сбегала из дома, когда атмосфера там накалялась, потому что Хафф был не в духе; пряталась от Криса, который обожал дразнить и мучить ее.

Сэйри часами лежала под ветвями кипарисов и виргинских дубов, во власти тех эмоций, которые обуревали ее в тот момент. Она строила амбициозные планы на будущее или думала о том, как отомстит за нанесенную обиду. И не раз Сэйри мечтала о другой семье, где чаще сменяются и реже ссорятся, где могут обнять друг друга, где меньше враждебности и где родители и дети по-настоящему любят друг друга.

И вот теперь, оказавшись возле любимого места, Сэйри с разочарованием увидела, что заросли кустов, в которых она любила прятаться, исчезли и вместо них разбита клумба с бегониями. Красивые цветы, но в них не найти убежища маленькой девочке, искавшей утешения.

А вот старые деревянные качели уцелели и по-прежнему свисали с толстой горизонтальной ветки одного из дубов. Веревки были толщиной с ее запястье. Доска пострадала от непогоды, но качели не сняли, и Сэйри обрадовалась этому.

Она провела пальцами вверх и вниз по колючей веревке.

– Не могу поверить, что они на месте.

– Ваши качели? – Бек сел на противоположный конец доски.

– Старый Митчелл... Я знала только его фамилию. Этот человек работал у нас садовником. Он повесил для меня качели и сказал, что эти канаты с пиратского судна, затонувшего у наших берегов во время страшного урагана. Вся команда погибла. Но духи пиратов так полюбили Луизиану, что решили остаться здесь, вместо того чтобы отправиться на небеса. Они все равно не получили бы в раю достойного места из-за их дьявольских деяний на земле. Так говорил старый Митчелл. Поэтому они прижились здесь. Раз в месяц в полнолуние привидения появляются и вступают в сделку с теми, кто наберется для этого храбрости.

– И старый Митчелл был храбрым?

– Если верить ему, то да, – улыбнулась Сэйри. – В обмен на пинту рома он получил золотой браслет, из которого сделал себе зубы. – Она засмеялась. – Я завидовала его золотым зубам и хотела такие же. Я устроила истерику, когда Хафф и Крис высмеяли меня, услышав, что я требую золотые зубы. А мама просто расстроилась.

– К счастью, они не позволили вам поступить по-своему.

– Действительно, к счастью. Как бы там ни было, старый Митчелл выменял на ром браслет и канаты. Он уверял, что объяснил капитану корабля, самому свирепому из пиратов, что канат пойдет на качели для мисс Сэйри. И ради меня пираты выкинули ему еще и кусок доски для сиденья. – Сэйри легко качнула качели.

– Старик рассказал вам красивую сказку.

– Я поверила каждому его слову. Он убедил меня в своем волшебном могуществе. Садовник говорил, что научился этому у одноглазой колдуньи вуду, живущей со своей пантерой на болоте. Митчелл носил на шее кожаный мешок со своим гри-гри. Но он ни за что не соглашался мне его показать, да и Селма пригрозила вышибить из него дух, если он это сделает.

Сэйри провела немало дней, бродя за старым Митчеллом по всей усадьбе, пока он работал в саду. Она не отставала от него ни на шаг и наверняка ему мешала. Но садовник явно не возражал против ее компании и постоянной болтовни.

– Старый Митчелл сердился на меня только тогда, когда ловил рыбу. Он всегда приказывал мне заткнуться, чтобы не распугать рыбу. А однажды он заметил меня вот на этом дереве, – Сэйри указала на могучий дуб, – и велел мне немедленно слезть, пока я не упала и не сломала себе шею. Несмотря ни на что, я считала его своим лучшим другом, что приводило в ужас мою мать и шокировало Селму. Иногда, закончив с работой по саду, садовник разрешал мне влезть в его тележку и катил меня до сарая с инструментами. Странно, – вдруг спохватилась она, – я не видела старого Митчелла на похоронах. Ему следовало быть там.

– Садитесь, я вас раскачаю, – предложил Бек.

И это предложение оторвало Сэйри от воспоминаний о детстве. Она почувствовала себя глупо из-за того, что разболталась.

– Нет, спасибо, – сухо поблагодарила она.

– Что ж, тогда вы можете раскачать меня.

Бек сел на качели, взялся руками за веревки. Он улыбался Сэйри, в его глазах плясали солнечные зайчики, и она вдруг заметила, что они темно-зеленые, не только красивые, но и умные, пронизательные. Сэйри так и не поняла, какое их качество раздражало ее больше всего.

Пренебрежительно хмыкнув, она обошла качели и пошла к реке, медленно, но неуклонно двигавшейся к заливу. От мутного потока исходил морской соленый запах. С противоположного берега, шумно хлопая крыльями, сорвался пеликан.

Под легким порывом бриза зашептались ажурные ветки кипарисов, затрепетали пряди испанского мха, но силы ветерка не хватило, чтобы расшевелить тяжелую листву виргинских дубов.

Высокие каблуки Сэйри утонули в мягкой земле. Она сняла туфли и понесла в руке. Влажная земля приятно холодила ступни. Если бы не Бек, она бы улеглась на берегу.

– Я что-то не так сказал? – спросил он.

Сэйри обернулась к нему.

– Не тратьте на меня свое обаяние, договорились? Это напрасно. Я выросла среди очаровательных мужчин и знаю, насколько фальшивым может быть обаяние. В моих глазах, мистер Мерчент, обаятельные мужчины давно потеряли привлекательность.

– Называйте меня Бек. И что конкретно вы так не любите? Обаяние или мужчин?

Качели еще не достигли самой большой амплитуды, но он по-настоящему раскачивался, и это буквально вывело Сэйри из себя.

– Мне не нравиться вы.

– Вы меня не знаете.

Она с горечью рассмеялась:

– Я вас знаю. Вы в точности такой же, как они, – Сэйри махнула рукой в сторону дома.

– То есть?

– Вы бесчестный, безнравственный, жадный и самодовольный. Мне продолжать?

– Не думаю, что мое эго вынесет продолжение, – сухо заметил Бек. – Мне лишь интересно узнать, каким образом вы сумели составить обо мне такое неблагоприятное мнение за такой короткий срок. Мы только что познакомились.

– У меня было на это достаточно времени. Я читаю отчеты о работе компании, которые мне продолжают присылать, хотя я неоднократно просила вычеркнуть меня из списков.

– Тогда почему вы их читаете?

– Потому что мне любопытно посмотреть, на что способна моя семья, чтобы выколотить для себя лишний доллар.

– Но вы же совладелица «Хойл Энтерпрайсиз».

– Я не хочу ею быть, – парировала Сэйри, повышая голос. – Я потратила год и тысячи долларов на адвокатов, чтобы выйти из числа совладельцев. Но ваши коварные махинации не позволили мне этого добиться.

– Все эти махинации были законны.

– В минимальной степени.

– Но это считается. – Бек встал с качелей и подошел к ней. – Я работаю на Хаффа. Он хотел, чтобы вы оставались партнером в семейном бизнесе, и попросил меня потянуть за все ниточки, чтобы не дать вам выйти из дела. Я сделал только то, за что он мне заплатил.

– Следовательно, нам известно, что вы за человек.

– Хотите назвать меня продажным? – Он снизил голос до шепота. – Не думаю, что вам захочется поговорить об этом, Сэйри. Не так ли?

Намек на два ее замужества, принесшие ей неплохие дивиденды, был ясен, и она рассердилась. Боли Сэйри не почувствовала. Больше никто не мог причинить ей боли.

– У вас такие же грязные методы борьбы, как и у них.

– Я сражаюсь ради победы.

– Ну, разумеется.

– А за что сражаетесь вы? – поинтересовался Бек.

– За выживание, – резко ответила Сэйри.

Пытаясь овладеть собой, она сделала глубокий вдох. Почувствовав, что пальцы сжались в кулак, Сэйри расслабила их, откинула назад волосы и облизала губы.

Успокоившись, она заговорила снова:

– Я сражалась, чтобы выжить. И я выжила. Я приехала сюда только ради того, чтобы проводить в последний путь моего брата Дэнни. Хотя я оплакиваю его смерть и всегда буду оплакивать... – Она осеклась и не сказала Беку, что будет винить себя за те два телефонных звонка Дэнни, на которые она не ответила. – Благодарение богу, он наконец вырвался из их лап. Надеюсь, он обрел покой. Но я хотела бы знать...

Она замолчала, потому что Бек кончиками пальцев коснулся ее щеки и легко провел по ней. Потеряв дар речи, Сэйри смотрела на него с открытым ртом.

– Москит.

– О! Спасибо. – Она дотронулась до лица в том месте, где были его пальцы.

– Не за что.

Текли секунды, а Сэйри никак не могла сосредоточиться. Наконец она сказала:

– Мне бы хотелось знать, как умер Дэнни.

– Я бы все рассказал вам в воскресенье. Я несколько раз звонил в ваш офис. Вы не стали со мной разговаривать.

– Я была не готова услышать это.

Сэйри отказывалась говорить с ним по другой причине, и Бек понимал это. Но он не стал уличать ее во лжи. Вместо этого Мерчент негромко ответил:

– Он был убит выстрелом в голову. Не было... В общем, он ничего не почувствовал. Это была мгновенная смерть.

Ей бы хватило и первой фразы. Все и так было достаточно плохо.

– Кто нашел его?

– Рыбаки с залива. У них кончился бензин. Они подплыли к дому, надеясь одолжить горючее. Машина Дэнни стояла возле двери, так что они решили, что в доме кто-то есть. Когда они зашли в бунгало, они увидели его.

Сэйри постаралась не думать о той сцене, которую увидели рыбаки.

– Полиция решила, что это самоубийство?

– Сначала да.

– Но у Реда Харпера появились сомнения?

– Не у Реда. В его департаменте появился новый детектив, молодой человек по имени Уэйн Скотт. Ред направил его обследовать место преступления. Шериф решил, что это рутина. Заполняют бланк, поставят печать и спишут в архив. Дело будет закрыто, Дэнни превратится в учетную единицу. Но Скотт вернулся из бунгало и привез больше вопросов, чем ответов.

– Например? Он считает, что это мог быть несчастный случай?

– Скотт не уверен. Как я уже говорил, у него больше вопросов...

– Вы уклоняетесь, мистер Мерчент, – нетерпеливо прервала его Сэйри. – Я уже большая девочка. Не говорите со мной так.

– Помощник шерифа Скотт не откровенничал со мной, клянусь вам, – уверил ее Бек и наткнулся на скептический взгляд Сэйри. – Просто у меня такое чувство, что Скотт не на сто процентов уверен в правильности выводов коронера.

Мерчент прислонился к дереву, согнул ногу в колене и уперся ступней в ствол. Он отвернулся от Сэйри и стал смотреть на канал, задумчиво стирая капли пота, выступившие у него на виске.

Наконец Бек прервал затянувшееся молчание:

– Очень недолго я работал в прокуратуре, пока не понял, что уголовное право не для меня. Я успел узнать, как думают полицейские. Первым делом они думают о преступлении. Это их первая версия. Я не знаю Уэйна Скотта, не представляю, чем он дышит. Не знаю, насколько он хорош в осмотре места преступления и насколько много у него опыта. Я встретился с ним только в воскресенье вечером, когда он пришел в дом вместе с шерифом Харпером и принес печальное известие. Пусть Скотт и совсем еще щенок, но явно агрессивный и пытливый. Возможно, он просто пытается произвести впечатление на своего нового начальника или хочет собрать улики, чтобы доказать, что Дэнни не кончал жизнь самоубийством.

Сэйри внимательно слушала, следила за жестами Бека и поняла, к чему тот клонит. И она поняла, почему он прямо не скажет об этом. Альтернатива самоубийству или смерти по неосторожности была невыносимой.

– Вы пытаетесь мне сказать, что, с точки зрения этого молодого детектива, Дэнни убили?

Бек посмотрел на нее.

– Прямо он этого не говорил.

– А зачем ему искать улики и задавать вопросы?

Мерчент пожал плечами.

– Детектив в городе новичок. Проработал всего несколько недель и не знает...

– ...что моя семья каждый месяц дает на лапу шерифу и Харпер всякий раз отворачивается, когда Хойлы нарушают закон.

– Хафф доплачивает шерифу, у того скромное жалованье.

– Он дает ему взятки.

– Субсидии Хаффа увеличивают количество денег в округе, – напряженно ответил Бек. – И поэтому не увеличиваются налоги.

– Ну да, конечно. Хафф подкупает местных чиновников ради снижения налогов для населения.

– Все получают выгоду от его щедрости, Сэйри.

– Включая и вас.

– И вас. – Мерчент оттолкнулся от дерева, у которого стоял, и направился к ней. – Подскажите мне, не хотелось ли вам провести ночь за решеткой, когда Харпер поймал вас пьяной за рулем? Или когда вы купались голышом? Или трахались на столике для пикника в городском парке? Или когда вы бегали со своими друзьями наперегонки по Эвангелин-стрит,

обкурившись наркотиков? И учтите, я вспомнил лишь минимум фактов из вашей бурной юности. Разве тогда вы не радовались тому, что Хафф выдает несколько ассигнаций Харперу каждый месяц, чтобы ваше сомнительное поведение оставалось безнаказанным? Не стоит отвечать. Ответ очевиден. Постарайтесь смотреть непредвзято, и вы увидите...

– Я увижу, мистер Мерчент, как тщательно вы собирали доводы в пользу вашей продажности. Вот почему вы спокойно спите по ночам?

Бек подошел достаточно близко, так что штанины его брюк касались ее голени. Как и на скамье у фортепьяно, он теснил ее. Ей надо было либо запрокинуть голову, либо отступить на несколько шагов, чтобы смотреть ему в лицо. Этого Сэйри делать не собиралась. Она не уступит ему ни пяди земли.

Громким шепотом он произнес:

– В последний раз прошу – называйте меня Бек. И если вам хочется узнать, как я сплю по ночам, то считайте, что я вас приглашаю. В любое время.

Чтобы не ударить его, хотя у нее просто руки чесались это сделать, Сэйри отвернулась и направилась к дому.

– Он умер.

Она остановилась и оглянулась.

– Старик Митчелл, – объяснил Бек. – Пару лет назад его нашли в его доме. Он был мертв уже несколько дней.

Когда последние из гостей ушли, Хафф поднялся наверх в свою спальню, чтобы сменить черный костюм и крахмальную белую рубашку на более комфортную одежду.

В коридоре, поравнявшись с комнатой Дэнни, он замедлил шаги, но не остановился и не заглянул в нее. Селма заперла ее, оставив все так, как было при Дэнни утром в воскресенье, когда он ушел в церковь. Вероятно, экономка будет ждать его указаний, чтобы открыть спальню, рассортировать вещи и решить, что оставить, а что отдать на благотворительность. Этим придется заниматься ей. Хафф не был уверен, что сможет когда-нибудь смотреть на то, что принадлежало младшему сыну, или дотронуться до его вещей.

Он сожалел о том, что случилось, но что сделано, то сделано. Размышлять об этом было бы пустой тратой времени и сил, а Хафф никогда не тратил ничего впустую.

Хафф переоделся и, спускаясь по лестнице, задержался у высоких стеклянных дверей, выходящих на балкон второго этажа. Он увидел Сэйри и Бека, стоявших в тени деревьев на берегу залива.

Удивленный, он сунул в рот сигарету и остался стоять, так и не закурился, наблюдая за этой парой. Бек, судя по всему, выполнял его последнее приказание и явно старался изо всех сил. Отлично, Сэйри наконец встретила мужчину, достойного ее.

Его дочь была вспыльчивой, горячей, несдержанной женщиной, но у Бека была хватка питбуля. Он не сдавался, хотя любой мужчина на его месте давно бы уже выбросил белый флаг еще после первого язвительного замечания Сэйри.

За всю жизнь дочь не сделала ничего, не сказав сначала «нет». Даже ее рождение превратилось в королевское сражение. Лорел рожала ее двенадцать часов, вдвое больше времени, чем сыновей.

Сэйри, проявив темперамент, свойственный всем рыжеволосым, появилась из материнской утробы красная, с яростным криком, словно негодовала на полученную травму или на то, что с ее рождением не поспешили. И с тех пор с ней всегда были проблемы.

Никакого сомнения, в эту минуту она дает прикурить Беку, хотя Хафф не мог понять, как тому удалось задержать ее на одном месте так надолго. Сэйри могла стоять и слушать то, что ей говорили, только если это ее интересовало. Но эти двое стояли очень близко друг к другу, явно поглощенные разговором или... друг другом.

Эта мысль заставила Хаффа застыть на месте. Он посмотрел на них другим взглядом. Получится ли из них пара?

Сэйри умна. Она отдавалась любому делу с абсолютной страстью. Но Хафф считал, что ее страстность должна распространяться и на те области отношений, которые сделают мужчину невероятно счастливым или хотя бы довольным, чтобы не замечать недостатков ее характера.

Что же касается Бека... Что может не понравиться в Беке молодой женщине?

Сквозь высокие стеклянные двери Хафф видел, как Бек подошел ближе к Сэйри. Она была выше среднего роста даже босиком, но Бек все-таки возвышался над ней. Они стояли так близко друг к другу, что Хаффу на какое-то мгновение показалось, что Бек схватит Сэйри в объятия и поцелует.

Но Сэйри развернулась и пошла к дому. Далеко она не ушла, потому что Бек сказал что-то такое, что заставило ее остановиться и обернуться к нему. И эти слова явно расстроили ее, потому что, когда его дочь снова направилась к дому, она почти маршировала, как солдат на параде.

– Это, должно быть, забавно, – негромко хохотнул Хафф и пошел вниз, чтобы перехватить Сэйри в центральном холле. Он успел к тому моменту, когда она сердито толкнула двери кухни. Селма спешила за ней, уговаривая присесть и поесть.

Но Сэйри ее не слушала. Она резко остановилась, увидев Хаффа. Экономка, всегда тонко чувствовавшая все подводные течения в семье, исчезла в кухне.

Хафф напустил на лицо самое пугающее выражение, рассматривая дочь сверху вниз. Черное платье не скрывало ее фигуры, и он увидел, что она мало изменилась за прошедшие десять лет. Зрелость лишь придала лицу некоторую округлость. Теперь она была женщиной, а не девочкой.

На похоронах в своей широкополой шляпе и черных очках она была похожа на кинозвезду в трауре или на убитую горем вдову главы государства. В ней появился класс, который ей мечтала привить Лорел, и сохранилось то же самое высокомерие, с которым она появилась на свет. Это провоцировало Хаффа и удивляло его.

– Привет, Сэйри.

– Здравствуй, отец.

– Отец, значит? Обычно ты звала меня Хаффом.

– Обычно я называла тебя намного хуже.

Он вытащил сигарету изо рта и рассмеялся.

– Насколько мне помнится, ты придумывала какие-то прозвища. Значит, ты собиралась уехать, не поговорив со мной?

– Все, что я хотела тебе сказать, я уже сказала десять лет назад, когда уезжала из этого дома. За это время ничего не изменилось.

– Хотя бы из уважения к Дэнни ты могла бы проявить любезность и поинтересоваться, как я себя чувствую, как справляюсь с горем.

– Я не обязана быть любезной с тобой. Я тебя не уважаю. А что до твоего горя, то ты даже не приказал загасить на сегодня печи. Смерть Дэнни была трагедией, но в этой семье ничего не изменилось.

– В твоей семье.

– Я отказалась от моей семьи. Я не хочу иметь ничего общего ни с тобой, ни с Крисом, ни с литейным производством. Я приехала в Дестини только затем, чтобы попрощаться с Дэнни и проводить его до могилы. Мне следовало сообразить, что этого не надо делать, когда ты прислал за мной своего лакея.

– Бек не взваливал тебя на плечо и не приносил тебя сюда насильно.

– Нет, он оказался умнее. У него в запасе оказалась наживка, которую я проглотила. Он знал, что я не смогу не прийти. Твой план сработал. Я приехала. Но теперь я исполнила свой долг. Я отправляюсь на кладбище, а потом вернусь к себе домой.

– Ты и так дома, Сэйри.

Она рассмеялась, но невесело.

– Ты никогда не сдаешься, так ведь, Хафф?

– Нет, никогда.

– Сделай себе одолжение хотя бы один раз. Признай, что на меня ты не имеешь никакого влияния. – Сложив большой и указательный пальцы, она показала ему кружок. – Ноль. Мне незачем тебя слушать. И не утруждай себя угрозами в мой адрес. Ты не сможешь придумать ничего страшнее того, что ты уже со мной сделал. Я больше тебя не боюсь.

– Неужели?

– Да.

Он подошел к двери бильярдной и распахнул ее.

– Докажи.

5

Как и Бек Мерчент несколькими минутами ранее, Хафф бросил ей вызов, перед которым она не могла устоять. Сэйри никогда не уступала. Она унаследовала эту черту от своего отца, нравилось ей это или нет.

Признавая в душе, что, вероятно, играет ему на руку, Сэйри пошла следом за отцом в бильярдную. Она же сказала, что больше его не боится. Возможно, Хафф этому не поверил, но это и не имело значения. Главное, что она сама в это верила. Ей незачем было доказывать Хаффу свое бесстрашие, требовалось доказать это самой себе.

На расстоянии в две тысячи миль легко было уговаривать себя, что она полностью выздоровела и больше ее ничто не трогает. Единственным действенным способом проверить свой характер было встретиться лицом к лицу с врагом, который нанес почти смертельные удары. Только схватившись с Хаффом один на один, Сэйри докажет себе, что ее страх перед ним полностью прошел и отец больше не имеет над ней власти.

Поэтому она пошла за ним в бильярдную. За исключением большого экрана телевизора, все в комнате выглядело как и прежде. Оглядываясь по сторонам, Сэйри пыталась вспомнить хоть что-нибудь приятное, связанное с этим уголком дома. Но ничего не приходило в голову. Для нее эта комната была связана только с неприятными воспоминаниями.

Когда она была маленькой девочкой и вместе с братьями пыталась добиться внимания отца, ее сюда не пускали. Крис и Дэнни могли входить в это святилище в любое время, Хафф был им рад. А для нее лишь изредка делались исключения.

Именно в этой комнате Хафф объяснил Сэйри и ее братьям, насколько тяжело больна их мать. Только она осмелилась спросить, умрет ли Лорел. И когда Хафф ответил утвердительно, они с Дэнни заплакали. Отец терпеть не мог слез. Он велел им заткнуться, вести себя как подобает взрослым, как подобает Хойлам. Хафф сказал им, что Хойлы никогда не плачут, и привел им в пример Криса. «Вы ведь никогда не видели его плачущим, верно?» – спросил он тогда.

Но Сэйри плакала в бильярдной еще раз. Она рыдала, истерически умоляя Хаффа не делать то, что он в результате все-таки сделал. Тот вечер она ему никогда не простит. С того дня она стала ненавидеть его.

Шаги Хаффа гулко отдавались на паркете, когда он подошел к бару и предложил ей выпить.

– Нет, спасибо, – отказалась Сэйри.

Он налил себе виски.

– Если хочешь, я прикажу Селме принести тебе поесть. Ей не терпится накормить тебя.

– Я не голодна.

– Даже если бы ты умирала с голода, ты не притронулась бы к пище, оплаченной «Хойл Энтерпрайсиз», верно? – Он уселся в свое любимое кресло и смотрел на нее поверх стакана с бурбоном.

– Начинаешь игру, Хафф? Решил посмотреть, кто из нас наберет больше очков? Словесная перепалка до тех пор, пока кто-нибудь из нас не запросит пощады? Если у тебя это на уме, то уволь. Я играть не хочу. Я больше никогда не буду играть в твои чертовы игры.

– Твоей матери не понравилось бы, что ты ругаешься.

Сэйри посмотрела на него, в ее глазах он прочитал обвинение.

– Моя мать многого бы не одобрила. Не поговорить ли нам об этом?

– Я вижу, тебе все еще нравится со мной пререкаться. Что ж, не могу сказать, что меня это удивляет. Честно говоря, я был бы разочарован, если бы ты разучилась огрызаться. –

Хафф отклонился в кресле, нашарил спички и закурил сигарету. – Садись и расскажи мне о своем бизнесе.

Сэйри села на один из парных диванов, разделенных кофейным столиком.

– Дела идут хорошо.

– Чего я терпеть не могу, Сэйри, так это ложной скромности. Если ты чего добила, значит, заработала право кричать об этом. Я читал статью о тебе в «Кроникл». Там был целый разворот с фотографиями, и говорилось, что ты любимый декоратор для сливок общества Сан-Франциско.

Сэйри не спросила его, как он узнал о статье. Хафф был способен на все, даже на слежку. Вероятно, ему известно больше о ее жизни в Калифорнии, чем она подозревала. Возможно, для него собирал информацию Бек Мерчент.

– Сколько ты заплатила тому старому педикю, чтобы выкупить его бизнес? – спросил Хафф. – Держу пари, ты выложила немало.

– Этот «старый педик» был моим учителем и другом.

Сэйри начала работать стажером у известного декоратора Кларка Макгвайра, когда еще посещала колледж. Получив диплом, она стала его сотрудником. Но Сэйри была не просто служащей, получавшей комиссионные от продажи того, что создавал ее босс. С самого начала Макгвайр готовил ее к тому, что его бизнес перейдет к ней.

Кларк посылал ее в поездки: в Гонконге она закупила ткани, во Франции антиквариат. Он доверял ее инстинкту, ее деловому чутью и великолепному вкусу. У него в активе было сорок лет работы, отличные контакты, а Сэйри привнесла свежие идеи. Они составили отличную команду.

– Когда Кларк решил уйти на покой, – продолжала она, – он сделал условия покупки оптимальными для меня.

Под ее управлением бизнес разросся. За три года Сэйри расплатилась с долгами, хотя рассчитывала на вдвое больший срок. Но об этом она не упомянула, считая, что Хаффа ее финансовые дела не касаются.

– Развешивание занавесок стало твоим бизнесом.

Хафф намеренно принижал ее дело, но Сэйри не попала на крючок.

– Я люблю мою работу. Честно говоря, я работала бы даже бесплатно. К счастью, мое увлечение оказалось к тому же прибыльным.

– Ты многократно приумножила вложения. – Хафф покрутил стакан, звякнули кубики льда. – Значит, твои замужества оказались в конечном счете не такими ужасными, правильно? Если бы я не настоял на составлении брачных контрактов, у тебя не оказалось бы денег, чтобы выкупить твой бизнес и заниматься тем, что ты любишь.

Чтобы заговорить, Сэйри пришлось расслабить стиснутые челюсти.

– Я заслужила компенсацию, Хафф.

– Есть куда более неприятный способ зарабатывать на жизнь, – добавил Крис, входя в комнату. – Получать деньги, разводясь с богатыми мужчинами, в этом что-то есть. – Он уселся на диван напротив сестры и улыбнулся ей. – Это совсем неплохая карьера.

Сэйри больше всего хотелось вскочить и выбежать из комнаты, но она знала, что этим лишь позабавит брата. Доставить ему удовольствие куда хуже, чем вытерпеть его ухмылку.

– Ты, как всегда, невыносим, Крис. Но ты прав насчет прибыльности развода с богатыми мужчинами. Уверена, твоя бывшая жена с этим согласна.

Ухмылка немного увяла, но Крис легко парировал:

– Ты незнакома с фактами, Сэйри. Мэри Бет отказывается развестись со мной.

Она и в самом деле решила, что отсутствие в доме жены Криса обусловлено тем, что их беспокойный брак наконец-то подошел к концу.

– Тогда почему ее здесь нет?

– Теперь моя жена живет в Мексике в доме над синим океаном. Мы там проводили отпуск. Как-то на пляже я выпил пару лишних «маргарит». А Мэри Бет никогда не упускала удобный случай. На следующий день я проснулся с жутким похмельем. Все шло согласно ее планам. Сначала она получила дом с прислугой, а потом заявила, что хочет жить отдельно. Пока ей не надоест, – добавил он, бросая взгляд на Хаффа.

Сэйри не была знакома с невесткой, потому что Крис женился на Мэри Бет уже после ее ухода из дома. Но она считала, что за мучения с Крисом эта женщина наверняка заслужила роскошный дом на берегу Тихого океана. Сэйри сомневалась в том, что брак положил конец многочисленным интрижкам Криса.

Пока Крис объяснял, почему отсутствует его жена, Хафф сидел в кресле и дымил сигаретой. Но он не расслабился. Он был на взводе. Сэйри поняла это, глядя, как крепко Хафф сжимает стакан с бурбоном. Костяшки его толстых пальцев побелели. Хойл-старший был явно недоволен семейным положением Криса, и вдруг Сэйри все поняла.

– Детей у вас нет.

Хафф завертел головой, как филин, переводя злобный взгляд с сына на дочь.

– Пока нет, но еще не все потеряно, – ответил Крис. И тут же напряженное выражение лица сменилось улыбкой. Он смотрел мимо Сэйри. – Входи, Бек.

– Я не хотел вам мешать.

Она услышала его голос из-за своей спины и поняла, что Мерчент стоял у двери, но не обернулась.

– Входи, пожалуйста, – сказал Хафф. – Мне не помешает передышка. От этого семейного собрания у меня уже мурашки по коже.

Сэйри услышала, как Бек подошел ближе. Он обошел диван.

– Хафф, приехал Ред Харпер.

– Он уехал всего час назад.

– Шериф вернулся, и на этот раз как официальное лицо. С ним Уэйн Скотт. Они хотят поговорить с нами.

– О чем еще?

Бек посмотрел на хмурое лицо Хаффа и спросил:

– А вы как думаете?

– Это надолго? – поинтересовался Крис. – Я устал от похоронной атмосферы и надеялся, что у меня еще будет возможность сегодня выйти и развеяться.

Сэйри не поверила своим ушам. Какой эгоизм! Хотя чему она удивляется? Крис всегда в первую очередь думал о себе. Его интересовало только то, что касалось его лично, его планов, его желаний. Его эгоцентризм, поощряемый всепрощением Хаффа, не знал пределов и не исчез даже в день похорон брата.

Не в силах дольше выносить его общество, Сэйри встала.

– Я ухожу, а вы поговорите с Редом. – Посмотрев на Хаффа, она добавила: – Вне всякого сомнения, Дэнни был лучшим из нас. Я глубоко скорблю о его смерти. – Переведя взгляд на старшего брата, она добавила: – Крис... – Но больше ничего придумать не смогла. Любые слова были бы лицемерием. – Прощай. – Сэйри повернулась к Беку Мерченту. Ему она лишь коротко кивнула.

Но когда Сэйри попыталась обойти его, он тронул ее за локоть.

– Ред хотел бы, чтобы вы остались.

Прежде чем Сэйри пришла в себя от удивления и заговорила, вмешался Крис:

– Ей-то зачем?

– Он не сказал.

– Шериф должен был как-то объяснить свою просьбу, – возразила Сэйри.

Мерчент посмотрел на нее с раздражением.

– Я точно передал его слова. Шериф хочет, чтобы вы задержались. Мне впустить их, Хафф?

– Это чертовски некстати. Мне, как и Крису, уже обрыдло думать и говорить о смерти. Меня тошнит. Но ничего не поделаешь. Лучше побыстрее с этим покончить. Приведи их, Бек.

Сэйри не собиралась оставаться и намеревалась прямо заявить об этом шерифу Харперу. Бек вышел и почти сразу же вернулся, ведя старого шерифа и молодого детектива.

Молодая женщина тут же бросилась в атаку.

– Шериф Харпер, я хотела бы успеть на последний рейс из Нового Орлеана. У меня совершенно нет времени.

Ред Харпер так и не переменял залоснившийся черный костюм, в котором он был на похоронах. Помощник шерифа был в стандартной форме, хотя и снял шляпу. Он озирался по сторонам, впитывая детали обстановки, такой же нетерпеливый, как скаковая лошадь на старте. Он выглядел слишком ретивым, как Бек Мерчент и описывал его.

Шериф посмотрел на Сэйри.

– Мне неприятно задерживать тебя, Сэйри, но помощник шерифа Скотт хотел бы задать тебе несколько вопросов.

– Я ценю вашу скрупулезность, – Сэйри обращалась непосредственно к молодому офицеру. – Я восхищаюсь вашей добросовестностью, но у меня нет для вас никакой информации. Я здесь не живу и больше десяти лет не общалась с Дэнни.

– Вы правы, мэм, но вы можете знать больше, чем вам кажется. – Его акцент выдавал в нем уроженца Техаса, а не Луизианы. – Вы не могли бы задержаться? Это ненадолго, обещаю.

Сэйри неохотно вернулась на свое место на диване.

– Бек, принеси стулья представителям закона, – приказал Хафф, не двигаясь из своего комфортабельного кресла. – А сам садись рядом с Сэйри.

Шериф и его помощник уселись на принесенные Бекком стулья, а он сам устроился бок о бок с Сэйри. Она посмотрела на Хаффа и заметила в его глазах знакомые искорки сатанинского веселья, вспыхнувшие в тот момент, когда он гасил спичку и бросал ее в пепельницу.

Наконец он заговорил:

– Ну что же, Ред, ты сам просил о встрече. Мы внимательно слушаем. Выкладывай, что у тебя на уме.

Шериф откашлялся.

– Вы знаете, что я нанял Уэйна на работу в качестве детектива. – Он говорил так, словно извинялся.

– И что дальше?

– Поэтому он, как детектив, осматривал твое бунгало, Хафф. Кое-что показалось ему странным. Некоторые факты никак не подтверждают того, что Дэнни покончил с собой.

Хафф перевел взгляд на молодого помощника шерифа.

– Например?

Уэйн Скотт стремительно подался вперед и оказался на самом краешке сиденья, как будто давно дожидался возможности высказаться.

– Выстрел из дробовика, который убил его...

– Из дробовика? – воскликнула Сэйри.

Когда Бек Мерчент сказал ей, что Дэнни умер от огнестрельного ранения в голову, она была уверена, что ее брат застрелился из пистолета. Сэйри не назвала бы себя специалистом по огнестрельному оружию, но знала, в чем разница между пистолетом и дробовиком, и представляла, какие повреждения они наносят.

В зависимости от калибра и траектории выстрела пуля из пистолета, попавшая в голову, станет причиной смерти, да и картина будет не из приятных. Но это ничто по сравнению с выстрелом из дробовика.

– Да, мэм, – торжественно ответил детектив Скотт. – У него не было шанса остаться в живых.

– Не могли бы вы перейти к сути дела? – строго спросил Бек.

– А дело в следующем, мистер Мерчент. На жертве были ботинки.

Несколько минут все смотрели на Скотта с явным непониманием. Хафф среагировал первым:

– Я не понимаю, к чему вы, черт побери, клоните, но...

– Подождите, – Бек поднял руку, призывая Хаффа к молчанию, но смотрел он на Уэйна Скотта. – Мне кажется, я понимаю, что смущает помощника шерифа Скотта.

Крис потянул себя за нижнюю губу и кивнул.

– Он не может сообразить, как Дэнни нажал на курок.

Скотт живо закивал головой.

– Верно. Я уже расследовал самоубийство в Карфагене, это в Восточном Техасе. Тогда мужчина спустил курок большим пальцем ноги. – Он смутился и посмотрел на Сэйри. – Прошу прощения, мисс Хойл, я излишне прямо выразился...

– Я не упаду в обморок. И кстати, моя фамилия Линч.

– О, простите. Я думал...

– Все в порядке. Продолжайте, пожалуйста.

Скотт обвел взглядом обращенные к нему лица.

– Так вот, я собирался сказать, что в случае с мистером Хойлом все укладывается в схему самоубийства. Но я никак не могу понять, как он спустил курок. Это был настоящий цирковой трюк, учитывая длину стволов и... Вот что еще меня сбilo с толку. Это была двустволка, и оба ствола были заряжены. Если вы собираетесь застрелиться из дробовика, то зачем заряжать оба ствола? Едва ли вам понадобится второй заряд.

Никто не осмелился прокомментировать или ответить. Ред Харпер снова откашлялся.

– Хафф, ты не помнишь, когда в последний раз видел именно этот дробовик? В шкафу с оружием я не вижу пустого места.

Он кивком указал на стоящий в бильярдной угловой шкаф со стеклянными дверцами. Хаффу принадлежал целый арсенал огнестрельного оружия, включая несколько пистолетов, охотничьих ружей и дробовик, предназначенный для охоты на птиц. Все они были на своих местах.

– Это был старый дробовик. Он никому из нас не нравился. И мы, образно выражаясь, отправили его на пенсию, держали в бунгало на всякий случай. Я не знаю, когда из него стреляли в последний раз.

– Я знаю.

Все повернулись к Крису. Если судить по его беззаботному виду, они могли говорить о чем угодно – о пропавшей перчатке, о погоде, о любой ерунде, но только не о ружье, убившем его брата.

– Как-то в выходные мы оба ночевали в бунгало. Это было месяца три назад, верно, Бек? – Тот кивнул. – Ближе к ночи Фрито словно сошел с ума. Мы вышли на улицу, чтобы посмотреть, что случилось, и увидели рысь. Бек дважды выстрелил в воздух, чтобы напугать ее. Зверь убежал в заросли.

Бек Мерчент продолжил рассказ:

– На следующее утро я вычистил дробовик и смазал маслом, а потом повесил на крючки над дверью.

– Вы перезарядили ружье? – спросил Ред.

– Нет.

– Что ж, кто-то это сделал, – констатировал Уэйн Скотт.

– Вы проверяли отпечатки пальцев?

На вопрос Сэйри помощник шерифа ответил предельно вежливо:

– Да, мэм. Там были отпечатки Дэнни и отпечатки других людей. Вероятно, в числе последних там остались и ваши, – обратился Скотт к Беку.

– Значит, вы знаете, что Дэнни держал в руках дробовик, – подвела итог Сэйри.

– Да, мэм, только я не знаю, когда это было.

– А на курке есть его отпечатки?

– Со спускового крючка нам не удалось снять четких отпечатков, – ответил Ред Харпер. – И это тоже показалось нам странным. Если считать, что Дэнни последним прикасался к дробовику... – Он не закончил свою мысль.

Хафф, молчавший до сих пор, явно потерял остатки терпения. Он встал с кресла, обошел его и встал перед Уэйном Скоттом, но обратился к шерифу Харперу:

– Какого рожна ты позволяешь этому своему новичку-детективу втягивать нас во все это? Чтобы он отработал свою новехонькую форму? В этом дело? Если так, позволь, я найду ему занятие получше. Пусть патрулирует первый этаж моего завода и лупит по голове любого, кто только заикнется о вступлении в профсоюз. Так он с пользой проведет время на службе. А сейчас он тратит мое время и заставляет меня снова думать о том, о чем я думать больше не хочу. Дэнни мертв. Мы его похоронили. Конец истории.

Он вытряс следующую сигарету из пачки.

– Простите меня, мистер Хойл, но это еще не конец.

Закуривая, Хафф смерил Скотта свирепым взглядом.

Но молодой человек отважно продолжал:

– Не только положение ружья рядом с телом мистера Дэнни Хойла заставляет задуматься. И не то, какой акробатический трюк ему пришлось проделать, чтобы спустить курок рукой, вложив при этом дуло в рот. Есть еще кое-что.

Лицо молодого детектива покраснело. Сэйри не знала, от смущения или от усердия. Но парень не позволил всемогущему Хаффу Хойлу запугать себя, и за это его следовало уважать. Хотя Сэйри догадывалась, что после этого выступления дни Уэйна Скотта в местном департаменте полиции сочтены.

– Что ж, давайте послушаем, что поставило тебя в тупик, – сказал Хафф.

– Новообретенная религия вашего сына.

Оказывается, сюрпризы еще не закончились. Сэйри посмотрела на Криса, потом на Хаффа, предполагая, что они рассмеются при упоминании о религиозности кого-то из Хойлов. Но их лица словно окаменели. Только складка между бровями Хаффа стала глубже.

Она повернулась к Беку Мерчену, явно почувствовавшему ее изумление.

– Совсем недавно Дэнни присоединился к религиозному братству...

– Прикрывающихся Библией лжецов! – рявкнул Хафф.

– Он разделял их верования и стал очень набожным, – продолжал Бек.

– И давно это случилось?

– Около года назад. Дэнни никогда не пропускал воскресную службу или вечернюю службу по средам.

– Он стал просто занудой, – вмешался Крис. – Бросил пить, расстраивался, если мы поминали имя божье всуе. Стал просто придурком.

– С чего все началось?

Крис пожал плечами.

– Вы не спрашивали?

– Нет, Сэйри, мы спрашивали, – подчеркнуто вежливо ответил Крис. – Дэнни отказывался это обсуждать.

– Мы не смогли проследить связь его увлечения религией с каким-то конкретным случаем, – объяснил Бек Мерчент. – Он не избежал чудом смерти, с ним не произошло ничего в подобном роде. Достаточно сказать, что Дэнни просто стал другим человеком в последние несколько месяцев своей жизни. Он радикально изменился.

– К лучшему или к худшему?

На ее вопрос ответил Хафф:

– Это смотря с какой стороны взглянуть.

Выражение его лица явственно указывало на его отношение к религиозности младшего сына, и Сэйри повернулась к помощнику шерифа.

– Почему вы считаете, что вера Дэнни связана с его самоубийством?

– Я спрашивал пастора и тех членов общины, кто разговаривал с Дэнни в воскресенье утром. Все, как один, заявили, что он был в прекрасном настроении, очень весел. На него словно снизошел Господь, так они говорили. Дэнни всем говорил, что они еще увидятся на вечерней службе. – Скотт по очереди встретился взглядом со всеми присутствующими и только потом добавил: – Кажется очень странным, что человек в таком состоянии духа пошел и застрелился.

– Вы пытаетесь сказать нам, что его смерть лишь на первый взгляд кажется самоубийством? – уточнила Сэйри.

– Не стоит говорить за Уэйна, Сэйри, – вмешался Ред Харпер, бросая неловкий взгляд в сторону Хаффа. – Он только хотел сказать...

– Я говорю о том, что обстоятельства смерти Дэнни Хойла требуют продолжения расследования.

– Медицинский эксперт округа не нашел ничего, что противоречило бы самоубийству.

– Вы правы, мистер Мерчент, но причина смерти была очевидной. – Скотт посмотрел на Сэйри. – Я не стану пугать вас изложением того, что было написано в отчете патологоанатома. – И, обращаясь к Мерченту, он продолжил: – Причина смерти ясна, но неопределенным остается способ.

– Способ смерти, – повторил Бек Мерчент и хмуро посмотрел на детектива. – Стволы дробовика были у Дэнни во рту. Едва ли можно говорить о случайном выстреле.

– Я с вами согласен, – Скотт мрачно кивнул. – Мы спокойно можем вычеркнуть несчастный случай из нашего списка. И если мы считаем, что это не самоубийство, следовательно, это убийство.

Ред Харпер сморщился, будто от боли.

– И поэтому я задам вам следующий вопрос. Кто-нибудь из вас знает человека, который желал бы смерти Дэнни?

6

Полуденная жара доконала цветы, усыпавшие свежую могилу. Бутоны съежились, лепестки приобрели коричневатый оттенок и вывернулись наружу, прижимаясь к стеблям, словно признавая поражение.

Ветра не было, и густой дым из труб литейного завода повис над кладбищем густым серым облаком.

Сэйри этот уродливый занавес казался саваном Дэнни. Она отправилась на кладбище, желая обрести хоть немного покоя, но после разговора с помощником шерифа Скоттом она понимала, что ей будет не так-то легко примириться с гибелью младшего брата.

Из троих детей Хаффа Хойла Дэнни меньше всего походил на отца. У него были мягкие манеры, негромкий голос, и, насколько знала Сэйри, он никогда не совершил ничего дурного и не плел интриг.

Когда они были маленькими, Дэнни всегда подчинялся Сэйри и Крису, лишь изредка оказывая символическое сопротивление, если его обижали. В конце концов он сдавался, особенно Крису, самому сильному из их троицы. К тому же хитрый Крис отлично знал, как управлять младшим братом. Дэнни всегда попадался в ловушки, устроенные Крисом, хотя тот часто очень жестоко подшучивал над ним.

Сэйри была самой вспыльчивой из них. Но стоило ей сорваться на Дэнни, он выслушивал ее тираду спокойно и не держал на нее обиды за те неприятные слова, которые она ему наговорила.

Однажды во время сильной истерики она зашвырнула в залив его любимый игрушечный грузовик. Дэнни расплакался, начал обзывать ее, приказал ей нырнуть и вытащить игрушку. Разумеется, она отказалась это делать, а вместо этого принялась рассказывать, не упуская красочных деталей, как его сияющая машинка будет ржаветь и разрушаться и никогда не попадет в Мексиканский залив.

Дэнни рыдал несколько часов подряд, а потом впал в уныние. Когда Лорел потребовала объяснений, он не рассказал о том, что сделала Сэйри. Если бы младший брат на нее нажаловался, она бы считала, что поступила правильно. Но ей все сошло с рук, и Сэйри долго мучилась чувством вины.

Их мать не могла надыхаться на Дэнни, потому что он был самым младшим. Сэйри помнила, как Хафф часто повторял, что Лорел вырастит из парня слюнявую девчонку, если не прекратит его баловать. И несмотря на всю любовь и заботу Лорел, Дэнни сильнее всего желал добиться расположения отца.

Крис получил это автоматически, по праву первородства. Его характер и интересы оказались такими же, как у Хаффа. Хойл-старший любил общество Криса, потому что тот был им самим в миниатюре.

На Сэйри смотрели как на декоративную, но совершенно бесполезную принцессу их клана и относились к ней соответственно. Она была плохо воспитанным упрямым ребенком, постоянно пыталась настоять на своем, а когда ей это не удавалось, закатывала истерики. И если ее мать считала такое поведение неприличным для юной леди, отца это забавляло. Чем больше сердилась и кричала Сэйри, тем громче смеялся Хафф.

Дэнни оставался послушным и незаметным, поэтому ему не доставалось внимания Хаффа.

Когда Сэйри немного подросла, она поняла это, но в то время ей не хватало ума и проницательности, чтобы проанализировать ситуацию. Только теперь, став взрослой, она понимала, насколько больно было Дэнни от того, что Хафф вспоминал о нем в последнюю минуту, что он всегда оставался самым далеким от отца младшим сыном.

Семья продолжала жить по своим законам и перед смертью Дэнни. Крису все сходило с рук, он оставался наследником, неспособным, в глазах Хаффа, сделать что-то не так. Сэйри Хафф считал колючкой в боку, потому что она сама отвергла отца. Дэнни же оставался послушным отпрыском, всегда поступавшим так, как ему велели. Он никогда не прекословил, на него всегда можно было положиться, но его почти не замечали.

Неужели существование в роли человека-невидимки могло заставить Дэнни покончить с собой?

Если он действительно покончил с собой...

Сэйри вытащила розу из букета и поднесла к губам. Слеза покатилась по ее щеке. Как несправедливо, что самый мягкий, самый безобидный из них умер молодым и его смерть была насильственной. Если Уэйн Скотт сумеет это доказать, значит, Дэнни убили.

– Мисс Линч?

Сэйри обернулась и увидела в двух шагах от себя молодую женщину.

– Я не хотела напугать вас, – сказала она, извиняясь. – Я думала, вы слышали, как я подошла.

Сэйри покачала головой:

– Я задумалась.

– Я не хотела бы вам мешать. Я могу вернуться попозже. Я хотела прийти... Я хотела попрощаться с ним.

Женщина была примерно одного возраста с Сэйри, может быть, на пару лет помоложе, и изо всех сил старалась не расплакаться. Сэйри вспомнила, что видела ее на поминках, но их никто не представил друг другу.

– Меня зовут Сэйри Линч, – сказала она и протянула молодой женщине руку.

– Я знаю, кто вы. Я видела вас на поминках. Кто-то указал мне на вас, но я бы в любом случае вас узнала, потому что видела ваши фотографии.

– В доме есть только старые снимки. Я изменилась.

– Да, но ваши волосы остались прежними. И потом, Дэнни показывал мне статью о вас, она была напечатана совсем недавно. Он очень гордился тем, что вы делаете. – Она рассмеялась, и Сэйри удивилась мелодичности ее смеха. – Когда я сказала, что вы очень изысканная и элегантная женщина, Дэнни ответил, что внешность обманчива и что вы были настоящей озорницей. Но он произнес это с такой нежностью!

– Как вас зовут?

– О, простите, я не представилась. Джессика Дебланс. Я... Я была другом Дэнни.

– Давайте присядем, – предложила Сэйри, указывая на бетонную скамью под деревом недалеко от могилы.

Они прошли туда. Миниатюрная и очень хорошенькая Джессика Дебланс была в льняном платье хорошего покроя. Светлые волосы падали ей на плечи мягкими волнами.

Женщины сели на скамью. По молчаливому согласию они долго сидели молча и смотрели на могилу. Джессика тихо сморкалась в платок. Повинуясь инстинкту, Сэйри обняла ее за плечи. Почувствовав прикосновение, Джессика затряслась от рыданий.

У Сэйри на языке вертелось множество вопросов, но она не торопилась их задать, выжидая, пока Джессика успокоится. Рыдания стихли, молодая женщина пробормотала извинения.

– Не стоит извиняться. Я рада, что у моего младшего брата был кто-то, кто любил его настолько, чтобы оплакивать его уход в присутствии совершенно постороннего человека. Судя по всему, вы были очень хорошими друзьями.

– Видите ли, мы собирались пожениться. – Джессика вытянула вперед левую руку, и Сэйри с изумлением увидела круглый солитер на тонком платиновом ободке.

– Красивое кольцо.

И оттого, что скромное кольцо представляло собой объяснение в любви, на какое был способен только Дэнни, Сэйри стало жаль молодую женщину. Она сердилась на Хаффа и Криса. К невесте Дэнни следовало отнестись как к члену семьи. А Джессикой явно пренебрегли.

– Простите, что я не поговорила с вами на поминках, Джессика. Я не знала, что Дэнни помолвлен. Никто не сказал мне об этом.

Может быть, Дэнни именно поэтому звонил ей.

– Никто не знал о нашей помолвке, – объяснила молодая женщина. – Никто из вашей семьи, я имела в виду. Дэнни не хотел, чтобы его отец и брат узнали обо мне до нашей свадьбы.

Несмотря на то что Сэйри, казалось, уже знает ответ, она задала вопрос:

– Почему?

– Ему не хотелось, чтобы они вмешивались. Дэнни считал, что отец и брат не одобряют его выбор.

– Это смешно. Почему бы им не одобрить вас?

Женщина снова рассмеялась, но печально.

– У меня нет денег, мисс Линч.

– Пожалуйста, называйте меня Сэйри.

– Мой отец работает на заводе «Табаско» в Нью-Айберии, а мать – домохозяйка. Они скопили достаточно денег, чтобы мы с сестрой могли учиться в колледже. Мы их радость и гордость, потому что работаем в начальной школе учительницами.

– У них есть полное право гордиться вами, и не думайте, что я говорю снисходительно. Как вы познакомились с Дэнни?

– Я преподаю в третьем классе и еще работаю добровольной помощницей в библиотеке. Как-то вечером Дэнни зашел выбрать книгу, и что-то его заинтересовало. Время приближалось к закрытию. Мне пришлось попросить его уйти. Дэнни взглянул на меня и смотрел очень долго, а потом сказал: «Я уйду, но только в том случае, если вы выпьете со мной чашку кофе».

Джессика приложила руку к щеке, словно воспоминание об этой встрече заставило ее покраснеть.

– И вы пошли?

– Выпить кофе? Да. – Джессика тихонько рассмеялась. – Мне не следовало этого делать. На меня это совершенно не похоже. Я никогда не хожу пить кофе с мужчиной, с которым едва познакомилась. И все-таки я это сделала. – Ее взгляд снова упал на цветы на могиле. – Мы разговаривали несколько часов. Прежде чем мы попрощались, Дэнни попросил меня встретиться с ним в следующие выходные. К субботе я уже знала, что он сын Хаффа Хойла, и испугалась. Я начала придумывать отговорки, чтобы не пойти на свидание. Но Дэнни так мне понравился, что я все-таки пошла. Мы отправились ужинать в маленький ресторанчик на полдороге к Новому Орлеану. Дэнни сам его выбрал, и ресторан оказался замечательным. Но я поняла, к чему вся эта секретность, и не возражала. Мне не очень хотелось иметь дело с вашей семьей. – Джессика быстро повернулась к Сэйри. – Надеюсь, я вас не обидела.

– Разумеется, нет. Я сама не люблю иметь дело с Хойлами. Я лучше вас знаю, насколько мы испорчены.

Джессика Дебланс печально улыбнулась:

– Дэнни не был испорченным.

– Нет, он не был.

– Ваш младший брат работал на предприятии и отлично выполнял свою работу, но его сердце к этому не лежало. Он не принимал философию управления, которую исповедовали

ваши отец и брат. У него было много разногласий с ними. Ему просто было трудно выступить против них. Привычки, укоренившиеся с детства, непросто переломить. Хотя он становился храбрее.

Сэйри решила обдумать это заявление позднее. Интересно, как Дэнни проявлял свою новообретенную храбрость?

– И как давно вы помолвлены?

– Две недели.

– Две недели? – удивленно воскликнула Сэйри.

– Верно, – Джессика непреклонно вскинула голову. – Они говорят, что Дэнни покончил с собой. Он этого не делал. Я знаю, что он не убивал себя. Мы строили планы, как будем жить дальше, обсуждали, чего нам хочется. Мы выбрали имена нашим будущим детям. Дэнни не совершал самоубийства. Он бы счел это грехом.

Слово «грех» вызвало следующий вопрос Сэйри:

– Вы с Дэнни посещали одну церковь?

– Да. После нашего второго свидания я пригласила его пойти со мной. В то воскресенье я пела соло в церковном хоре во время богослужения.

Значит, молодая женщина обладала певческими данными. Понятно, откуда у нее такой музыкальный смех.

– Дэнни не хотел идти, – вспоминала Джессика. – Он сказал, что Хафф – так он обычно называл вашего отца – с презрением относится к религии. Но я ответила, что не смогу с ним встречаться, если он не будет верить в бога так, как я. И я говорила серьезно. – Она застенчиво улыбнулась. – Дэнни был тогда так влюблен, что согласился пойти со мной в то воскресенье. И с первого же раза он понял, что в его жизни не хватало именно господней любви. Он осознал это и стал другим человеком.

По этому вопросу с Джессикой согласились бы Хафф, Крис и Бек Мерчент, хотя они связывали перемены в характере Дэнни с внезапным помутнением рассудка, а не с религиозным обновлением. Для них это были перемены к худшему, а не к лучшему.

– Думаю, вы были очень добры к моему брату, Джессика. Я рада, что Дэнни познакомился с вами, и благодарна вам за то, что вы его любили.

– Я не могу принять вашу благодарность. – Голос Джессики дрогнул, и она снова поднесла к глазам платок. По ее щекам покатались слезы. – Я любила Дэнни всем сердцем. Как я это вынесу?

Пока она плакала, Сэйри обнимала ее за плечи. Ей самой хотелось плакать, но она оплакивала бы не только Дэнни, но и Джессику. Ее младшему брату было уже все равно, а сердце молодой женщины разрывалось от горя, и только время могло залечить эту рану.

В жизни происходят и такие события, которые, как кажется, невозможно пережить. У человека нет даже уверенности в том, что он этого хочет. Несчастья причиняют такую боль, что легче умереть, чем жить в невыносимых страданиях.

Сэйри знала, как это бывает. Она не забыла, каково это, когда сердце болит так, что хочется умереть. Ничто не могло облегчить ее боль. Но инстинкт выживания творит чудеса. Сердце продолжает биться и после того, как пропадает желание жить. Человек делает новый вдох, когда исчезает желание дышать. Человек продолжает жить.

Сэйри не винила невесту Дэнни за безутешное горе, но и не пыталась утешать ее. Она просто продолжала обнимать ее и обнимала бы всю ночь напролет, если бы потребовалось, потому что, когда горевала она сама, ее обнять было некому.

В конце концов Джессика перестала плакать.

– Дэнни не хотел бы, чтобы я плакала. – Она вытерла глаза и высморкалась. Взяв себя в руки, она добавила: – Я не принимаю вывод коронера.

– Может быть, вам станет немного легче, если вы узнаете, что не одиноки в этом. Полиция тоже задает непростые вопросы.

Сэйри пересказала разговор с шерифом Харпером и детективом Уэйном Скоттом. Она привела все подробности, которые сумела запомнить.

Джессика некоторое время размышляла над ее словами, потом сказала:

– Этот детектив работает на Реда Харпера?

– Я знаю, о чем вы подумали. О том, что Харперу платит Хафф. И все-таки помощник шерифа Скотт преисполнен решимости продолжать расследование.

Молодая женщина задумчиво прикусила нижнюю губу.

– Последнее время Дэнни что-то тревожило. Но когда я спрашивала его, он отшучивался. Говорил, что беспокоится о том, что не сможет содержать меня. Или что его волнует, не стану ли я толстой и уродливой после свадьбы. И буду ли я его любить, если он облысеет. Все в таком духе. Я начинала думать, что зря беспокоюсь. Но теперь у меня другое мнение. Я слишком хорошо знала Дэнни.

– И он ни разу даже не намекнул, что его тревожит?

– Нет, но что-то определенно было.

– Настолько серьезное, что он решил уйти из жизни? – мягко предположила Сэйри.

– Дэнни не причинил бы мне такой боли, – стояла на своем Джессика. – Он бы не оставил меня мучиться вопросами, почему он так поступил и что я могла сказать или сделать, чтобы не допустить этого. Дэнни никогда бы не взвалил мне на плечи такую ношу. Нет, Сэйри. Я никогда не поверю, что ваш брат застрелился. – Помолчав, Джессика заговорила снова: – Правда, я должна признать, что альтернатива представляется мне невыносимой. Дэнни ни в чем не был виноват. Даже рабочие с завода, которые не слишком жалуют Хойлов, его любили.

– Наверняка не все, Джессика. Дэнни руководил отделом кадров, он нанимал и увольнял, следил за выплатой страховок, за зарплатой. Он мог кого-то обидеть и не подозревать об этом.

– Дэнни лишь выполнял распоряжения Хаффа. Ваш отец настоящий феодал, но я уверена, что рабочие знали об этом.

Все может быть, решила Сэйри. Только человек по натуре мстительный мог и не сделать различия между отцом и сыном.

– Вы знаете Бека Мерчента? – спросила Сэйри.

– Я знаю, кто он такой. Все знают. Он главный цепной пес на предприятии. Их с Крисом водой не разольешь.

– И они настолько хорошие друзья?

– Неразлучные.

Сэйри приняла к сведению эту информацию. Значит, все, что говорится Беку, сразу доходит до Криса.

А Джессике она сказала:

– Так вот, когда шериф Харпер спросил, не знаем ли мы, кто мог желать смерти Дэнни, мистер Мерчент ответил за всех нас, сказав то, что мы все думали. За прошедшие годы у Хойлов появилось много врагов в городе. Если бы кто-то захотел отомстить, то Дэнни был бы самой легкой мишенью, потому что он был совершенно незащищенным.

Джессика подумала и ответила:

– Полагаю, это так. Но мне больно думать, что Дэнни расстался с жизнью, потому что кто-то затаил злобу против семьи за деяния, к которым Дэнни не имел никакого отношения.

– Согласна с вами. – Сэйри поколебалась, потом все-таки поинтересовалась: – Вы намерены рассказать Крису и Хаффу о вашей тайной помолвке?

– Нет, ни в коем случае. Мои родители знали об этом, потому что Дэнни просил у них моей руки. Кроме мамы с папой и сестры, об этом больше никто не знал. Даже в моей школе ничего не было известно. Мы встречались только за пределами города. Даже в церкви мы всегда держались вдалеке друг от друга. Я не вижу причин объявлять о нашей помолвке теперь. Кроме неприятного разговора с вашим отцом и братом, я ничего от этого не жду. А у меня нет ни желания, ни сил вести подобную беседу. Я хочу думать о Дэнни, а не о них. Я хочу сохранить о наших отношениях только светлые воспоминания, а они наверняка сделают или скажут что-то, чтобы очернить их.

– Как это ни печально, я с вами согласна, – заметила Сэйри. – Думаю, вы приняли правильное решение. Не давайте им возможности обидеть вас, вам и без того слишком больно. Хотя они много потеряют оттого, что не познакомятся с вами. – Сэйри сжала руку Джессики. – Я рада, что мы с вами встретились. Мне стало легче, когда я узнала, что Дэнни был счастлив последний год жизни.

Сэйри решила уйти, чтобы Джессика могла побыть одна у могилы. Они обменялись номерами телефонов и попрощались. Сэйри пообещала держать молодую женщину в курсе того, как продвигается расследование.

Джессика упрямо, что так не вязалось с ее хрупкой внешностью, повторила:

– Неважно, к какому выводу придет этот помощник шерифа Скотт. Я знаю, что Дэнни не убивал себя. Он бы не оставил меня. Кто-то его убил.

7

Ресторан-закусочная «Дестини» изменился с тех пор, когда Сэйри заходила туда в последний раз. Хромированные стулья вдоль стойки сменили красные сиденья на бирюзовые. В кабинках появились новые столы, покрытые пластиком. Они тоже были бирюзовыми, возможно, для того, чтобы дополнить ярко-розовую простеганную обивку сидений.

Судя по всему, владельцы «Дестини» считали такую цветовую гамму в духе Майами-Бич ретроимитацией классического стиля ресторанов-закусочных в стиле вагенов-ресторанов пятидесятых годов. Но они добились лишь того, что заведение стало выглядеть пародией.

Компакт-диски сменили пластинки-сорокапятки в музыкальном автомате, но он хотя бы остался на месте. И хотя обстановка изменилась радикальным образом, из меню не исчезли прежние высококалорийные блюда, полные вредного для сосудов холестерина.

Сэйри сделала заказ и расслабилась, прислонившись к виниловой спинке скамьи, потягивая ванильную колу. Уже в который раз она спрашивала себя, что делает в этом месте, почему она не уехала в Новый Орлеан, чтобы этим же вечером вылететь в Сан-Франциско.

Вместо этого она с кладбища поехала в лучший из двух мотелей Дестини под названием «Приют» и сняла там комнату. Потом, решив, что проголодалась, Сэйри отправилась ужинать. Возможно, ей просто не сиделось на месте.

К концу последнего дня рабочей недели после привычного вечернего многолюдья ресторан-закусочная был почти пуст. И это соответствовало настроению Сэйри. Ей требовалось обдумать все, что произошло за день.

Хорошо, что она выбрала именно это время для поездки на кладбище. Появись она там на полчаса раньше или позже, она бы не познакомилась с Джессикой Дебланс и не узнала, как счастлив был с ней Дэнни. Разговор с женщиной, любившей его, стал для Сэйри неожиданным подарком.

Но помолвка Дэнни оказалась главным аргументом против его самоубийства. Теперь, когда у Сэйри была эта информация, она гадала, как ею распорядиться.

Правда, она так и не поняла, почему младший брат позвонил ей впервые за десять лет. Собирался ли он поделиться с ней хорошими новостями, подвести черту под их отношениями перед самоубийством или спросить ее совета по проблеме, с которой он столкнулся? Сэйри этого уже не узнает, и этим ей мучиться всю оставшуюся жизнь.

– Привет, Рыжик.

Сэйри отвлеклась от своих мыслей и обернулась, полагая, что в ресторан заглянул кто-то из старых знакомых. Но у ее кабинки стоял мужчина, которого она никогда раньше не видела. Он явно решил, что удачно пошутил, потому что довольно скалился.

Кивком он указал на ее стакан с колой:

– Пьешь в одиночку?

– И мне это нравится, – Сэйри отвернулась, надеясь, что парень поймет намек и уйдет. Он не понял.

– Откуда тебе знать? Ты же еще не выпивала со мной.

– И не собираюсь.

– И не со-би-ра-юсь, – передразнил он. – Ты, видно, высоко летаешь в этом твоём Фриско.

Сэйри сурово посмотрела на него.

– Ага! Гадаешь, откуда я тебя знаю? Кто ж тебя не знает, мисс Сэйри Хойл? Разве я мог забыть эти рыжие волосы или... – Его глаза скользнули вниз по ее фигуре. Он решил, что это получилось сексуально. – Ты отлично сложена. Но ты нахваталась плохих привычек

в Калифорнии. Ладно, там все так высокопарно выражаются, так что я тебя прощаю. – Он нагнулся к Сэйри и снизил голос до шепота: – Держу пари, у тебя такая же славная попка, как в шестнадцать лет, когда ты скакала с болельщицами по краю футбольного поля и высоко скидывала ножки. Я от тебя прям торчал каждую пятницу. Ждал этого всю неделю.

– Очаровательно, – взгляд Сэйри оставался ледяным. – А теперь, может быть, вы оставите меня в покое?

Вместо этого мужчина уселся напротив нее. Она потянулась за сумочкой, чтобы уйти, но он схватил ее за руку. Сэйри попыталась вырваться, приговаривая:

– Отпустите меня! Что вам от меня нужно?

– Я всего лишь решил поболтать с тобой по-дружески, – вкрадчиво произнес он. – Мы же с тобой не чужие. Разве ты меня не помнишь?

Сэйри не желала разговаривать ни дружески, ни как-то иначе с этим типом с длинными волчьими желтыми зубами, редкой желтоватой бороденкой и огромными ушами. Но ей также не хотелось бороться с ним и привлекать к себе внимание остальных немногочисленных посетителей.

Чтобы не выставлять себя на посмешище, Сэйри решила сохранить в тайне от Хаффа и Криса свое присутствие в городе. Родственники считали, что она уехала в Новый Орлеан, как и собиралась. Новость о том, что она схватилась врукопашную с каким-то ублюдком в забегаловке, быстро дойдет до их ушей. То-то они повеселятся.

Она постаралась взглядом сбить с нахала спесь.

– Я не знаю, кто вы, и не желаю этого знать. Если вы немедленно не отпустите мою руку, то я...

– Что? – глумливо поинтересовался он, крепче сжимая ее запястье. – Что ты сделаешь, если я тебя не отпущу?

– Она сломает твою чертову шею. А если она этого не сделает, то я ей помогу.

У ее незваного соседа по столу отвисла челюсть, когда он поднял глаза. Она обернулась и увидела Бека Мерчента, лениво прислонившегося к стенке ее кабинки. Он стоял почти в той же позе, что и утром на кладбище, когда уговаривал ее заехать на поминки. Он и теперь непринужденно улыбался, только его глаза оставались холодными, подтверждая серьезность угрозы.

Мужчина явно струсил, хотя он и пытался не сдаваться.

– Кто ты такой, что позволяешь себе вмешиваться?

– Я тот, кто сломает тебе шею.

– Однажды я тебе уже надрал задницу. Ты, кажется, успел об этом забыть. Что ж, с удовольствием освежу твою память.

Ушастый блефовал. Даже Сэйри, не будучи специалистом по кулачным боям, поняла это.

– Отпусти ее, – последовал твердый приказ Мерчента, – немедленно.

Мужик отпустил Сэйри, вылез из кабинки и сказал, ухмыляясь:

– Ты, как и все Хойлы, всегда считала себя самой крутой.

Сэйри не стала отвечать ему, лишь посмотрела вслед, когда он вернулся к своим приятелям в самую дальнюю кабинку ресторана и те принялись высмеивать его поражение. Потом она перевела взгляд на Бека Мерчента.

– Я бы сама справилась с ситуацией.

– Запомните эту мысль.

Прежде чем она успела ответить, Бек вернулся к двери ресторана, открыл ее и негромко свистнул. Крупная собака выпрыгнула из кузова пикапа и бросилась к нему.

– Отправляйся на кухню, пусть тебя там покормят.

Золотистый ретривер побежал к распашным дверям, ведущим на кухню, и носом толкнул их. Сэйри услышала, как персонал приветствует пса радостными возгласами.

– Это и есть Фрито? – спросила она.

– Как вы узнали?

– Крис говорил о нем.

– Ах да, вечер в бунгало, рысь.

– Я так и подумала, что Крис говорил о собаке. – Она посмотрела в сторону кухни. – Не сомневаюсь, Фрито здесь завсегда.

– И я тоже. Вас я здесь ни разу не встречал и, честно говоря, шокирован. В доме вы всем дали понять, что вам не терпится вернуться в Сан-Франциско.

– Я побывала на кладбище, и ехать в аэропорт оказалось уже поздно. Поэтому я решила переночевать в городе и вернуться домой завтра.

Бек не стал комментировать ее планы и лишь спросил, сделала ли она заказ.

– Да, я заказала чизбургер.

Мерчент окликнул повариху, которую было видно через открытую арку за стойкой:

– Грэйди, пожалуйста, мне то же, что и ей.

– Скоро будет готово.

Бек снова устроился в кабинке.

– Так что вы там говорили насчет того, что сами справитесь со Шлепой Уоткинсом?

– Уоткинс! – вдруг вспомнила Сэйри. – Вот откуда мне знакомо его лицо. Известный бузотер. Он учился в нашей школе, был на несколько классов старше. Думаю, он не раз оставался на второй год. Однажды его отстранили от занятий, потому что он подсматривал за девочками в раздевалке.

– Шлепа и остался бузотером. Я слышал от Криса, что его недавно выпустили условно-досрочно. Когда я остановился у ресторана, то через окно увидел вас. Мне показалось, что вам нужна помощь.

– В этом месте я должна сказать: «Спасибо, что спасли меня»?

Бек засмеялся, посмотрел на подошедшую официантку и подмигнул ей, когда та поставила перед ним стакан с колой.

– Ты не забыла положить лимон, Молли, хотя я и не просил. Спасибо.

– Как я могла забыть, – девушка игриво улыбнулась ему.

– Ты знакома с Сэйри Линч?

Женщины улыбнулись друг другу. Официантка понизила голос и сказала:

– Этот Шлепа Уоткинс провонял все заведение. Давай я вытру твой столик, Бек.

– Спасибо, все в порядке.

– Им не следовало выпускать его на свободу.

– Он скоро вернется в тюрьму, вот увидишь.

– А пока лучше бы ему и его друзьям найти себе другое место для посиделок. Бургеры скоро будут готовы. Рада была познакомиться, – кивнула она Сэйри и отошла. Девушка явно была неискренна: ей совсем не хотелось оставлять Сэйри наедине с Бексом Мерчентом.

Скорее всего, не только официантка из «Дестини» потеряла голову из-за Бека, и Сэйри понимала почему. Он выглядел очень сексуально – зеленоватые, словно вода в омуте, глаза, светлые густые волосы, улыбка, подсказывающая, что он мог уговорить женщину на что угодно. А потертые джинсы и свободная рубашка, в которые он переделался, делали его подомашнему уютным. Правда, Бек отлично смотрелся и в строгом официальном костюме на похоронах. Упаковка в общем и целом была, безусловно, привлекательной.

Но то же самое можно было сказать и о Крисе. Он тоже умел носить вещи. Старший брат Сэйри был хорош собой, как кинозвезда. Но многие змеи столь же красивы, сколь и ядовиты. Крис был гадиной, жалившей даже тогда, когда очаровывал.

Сэйри доверяла Мерчену не больше, чем Крису, скорее даже меньше. Крис таким родился, а Беку платили за его гнусности.

– У Селмы будет разбито сердце, если она узнает, что мы пришли ужинать сюда после того, как она весь день пыталась накормить нас, – заметил Бек.

– Она любит нас, хотя мы этого и не заслуживаем. Селма всегда нас любила.

Бек сложил руки на столе перед собой и подался к Сэйри.

– Почему вы считаете, что не заслужили любви?

– Вы адвокат, мистер Мерчент, а не психоаналитик.

– Я лишь веду непринужденную беседу.

– Мне кажется, Шлепа Уоткинс говорил то же самое.

Он громко рассмеялся.

– Значит, мне следует поработать над техникой. – Бек помешал соломинкой напиток в стакане. – Сэйри, простите меня, – медленно произнес он, поднял глаза и встретился с ней взглядом. – Мне не следовало вот так объявлять вам о смерти старого Митчелла. Это был дешевый трюк. Даже когда я сержусь, я обычно играю более честно.

Недовольная собой за то, что не верит даже этому искреннему на первый взгляд извинению, Сэйри промолчала, лишь чуть повела плечом, как будто принимая его.

Официантка принесла заказанные ими бургеры и картошку. Они оказались такими, какими им и следовало быть, – жирными, горячими и восхитительными. Несколько минут они ели молча, но Сэйри чувствовала, что Бек наблюдает за ней. В конце концов она не выдержала:

– В чем дело, мистер Мерчент?

– Что такое?

– Почему вы все время смотрите на меня?

– Гм, простите. Я просто размышлял о том, почему вам так сложно сказать мне «спасибо».

– За что?

– За то, что я избавил вас от Уоткинса.

Он кивком указал на большое окно. Сэйри повернула голову и увидела, как ее обидчик садится на мотоцикл, нажимает на стартер и с ревом уносится со стоянки. Выезжая на авто-страду, Уоткинс обернулся к ним и сделал неприличный жест рукой.

– Он ясно дал понять, что о нас думает, согласны? – Сэйри посмотрела на Бека. – Я и сама справилась бы с ситуацией, но едва ли мне бы удалось сделать это тихо и не вызвать пересудов в городе. Так что спасибо.

– Рад услужить.

– Уоткинс сказал, что однажды надрал вам задницу. Это правда?

– Такова его версия. Мы с Крисом в общем-то и подружились из-за Шлепы Уоткинса. Два кофе, пожалуйста, – обратился он к Молли, подошедшей забрать тарелки.

– Мы с Крисом познакомились в университете, где я вступил в то же братство. Крис был старше меня. Перед тем как ваш брат получил диплом, мы познакомились, но встретились снова только три года назад.

Улыбкой он поблагодарил официантку за принесенный кофе, а когда Сэйри поднесла дымящуюся чашку к губам, предупредил:

– Это напиток с кофеином и с цикорием.

– Я пью такой с детства, и этот сорт до сих пор присылают мне в Сан-Франциско. – Сэйри сделала глоток и спросила: – Что случилось три года назад?

– Дело Джина Айверсона. Это стало косвенной причиной нашей дружбы. Что вы знаете о суде над братом?

– Только то, что было сказано в вестнике компании.

– Те самые вестники, которые вы не желаете получать, но все-таки читаете?

Так, один – ноль в его пользу, хотя Сэйри никогда бы в этом не призналась. Она прилежно изучала все присланные ей материалы, но не потому, что переживала за Криса и Хаффа и за их благосостояние, а потому, что ей была небезразлична судьба работавших на них мужчин и женщин и всего города. Без «Хойл Энтерпрайзиз» города не будет. Сотни семей окажутся без средств к существованию. Пусть она сама не желала получать доход от компании, но чувствовала моральную ответственность за ее работников при всем несовершенстве семейного бизнеса.

– Информация в вестниках проходит через цензуру Хаффа и Криса, особенно если это негативная информация. Другими словами, я не могу считать их надежным источником по делу Айверсона. Они судили об этом предвзято. Что можете рассказать мне вы?

Бек откинулся на спинку и изучающе посмотрел на нее.

– Вашего брата обвинили в убийстве, и все-таки вы не потрудились изучить факты по этому делу. Не слишком ли поздно вы озаботились этим?

– Я не забочусь о Крисе, мне просто любопытно. Мне наплевать на Криса и на то, что он делает. То же самое я чувствую по отношению к Хаффу. Я вычеркнула их из своей жизни десять лет назад, и если вам я кажусь грубой и бесчувственной, ничего не поделаешь.

– А как насчет Дэнни?

– Дэнни... – Сэйри снова стало грустно. – Что бы ни вытворяли Хафф и Крис, мой младший брат всегда покорялся им. Я уверена, что вы видели, насколько он несвободен в своих действиях. Дэнни никогда не умел защитить себя.

– А вы смогли?

Сэйри сумела это сделать только десять лет назад и только тогда, когда достигла самого дна. К счастью, она поняла: чтобы выжить, она должна порвать с семьей и навсегда уехать из города.

– Мне повезло, – ответила она Беку. – Я нашла в себе силы бросить вызов Хаффу и уехать. А Дэнни не смог.

Бек помялся, но все-таки добавил:

– Возможно, он ушел от них другим путем.

– Возможно.

– Но когда десять лет назад вы уезжали отсюда, вы были плохого мнения о нем из-за его безответности.

– Именно так.

На самом деле, когда Сэйри уезжала, она ненавидела их всех. Но после долгих лет терапии ее чувства к Дэнни смягчились, и все же не настолько, чтобы ответить на его звонки, когда он неожиданно попытался связаться с ней.

Сэйри задумчиво потягивала кофе, а когда поставила чашку на блюдце, неожиданно сообразила, что Мерчент смотрит на нее с нескрываемым любопытством. Она в душе выругала себя за то, что обсуждает с ним личные темы, о которых раньше говорила только с психоаналитиком.

– Мы говорили о деле Джина Айверсона, – напомнила Сэйри.

– Верно, – Бек выпрямился и откашлялся. – Что вы хотите знать?

– Крис убил его?

Его левая бровь взлетела вверх.

– Вы не выбираете слов.

– Убил?

– Против Криса были лишь косвенные улики.

– Это не ответ, – не сдержалась Сэйри. – Нет, не так. Это ответ адвоката.

– У прокурора не было достаточных доказательств, чтобы убедить присяжных.

– И дело не отправили на следствие.

– Его вообще не следовало открывать.

– Нет тела – нет преступления? – Это повторялось во всех статьях, которые читала Сэйри. Тело Джина Айверсона так и не было найдено. Он исчез без следа.

– Если бы я был прокурором, – ответил Бек, – я бы никогда не начал дело об убийстве без трупа, какими бы ни были косвенные улики.

– Как вы оказались замешаны в этом деле?

– Я читал о процессе и сразу решил, что это выигрышное дело по причинам, о которых я уже упоминал. Я приехал в город, чтобы поддержать товарища по университетскому братству, помочь, чем смогу. К тому моменту, как я объявился в Дестини, суд был уже кончен. Я нашел Криса и Дэнни празднующими в старом притоне на автостраде. Вы знаете это место?

– «Лезвие бритвы»?

– Оно самое. Крис покупал всем выпить, празднуя исход процесса. Шлепа Уоткинс тоже там был. Он начал кричать о том, что за деньги можно купить судью, что богатые никогда не получают по заслугам и все в таком духе. Крису это не понравилось. И Дэнни тоже. Честно говоря, именно он первым бросился на защиту старшего брата. И началась драка. Я ввязался в нее и, что бы там ни говорил Уоткинс, склонил победу в сторону братьев. Мы вытерли им пол.

– Значит, вы спасли всех нас от Шлепы Уоткинса?

– Судя по всему, – улынулся Бек. – Я такой. Неплохо, если я держусь рядом.

– Хафф и Крис определенно так думают.

Бек снова облокотился о стол.

– На данный момент меня интересует, что думаете вы.

Он произнес это просто, но Сэйри почувствовала скрытый подтекст.

– Думаю, мне пора прощаться.

Когда она открыла сумочку, Мерчент остановил ее:

– Я заплачу за ваш ужин. У меня здесь открыт счет.

– Не стоит.

– Бойтесь оказаться у меня в долгу?

Сэйри положила двадцать долларов под сахарницу и прямо посмотрела ему в глаза.

– Я ничего не боюсь, мистер Мерчент.

Бек тоже встал и прошел за ней к двери.

– Как насчет собак? – уточнил он.

– Что?

Мужчина резко свистнул и задал вопрос иначе:

– А собак вы боитесь?

Он едва успел договорить, как Фрито вылетел из дверей кухни. Он был красивым псом с ярко-золотой шерстью и мягким белым подбрюшьем. Фрито так неистово вилял хвостом, что Сэйри была вынуждена уклониться, иначе пес просто свалил бы ее с ног.

Он приветствовал хозяина с таким энтузиазмом, словно они не виделись несколько месяцев, а не полчаса. А потом Фрито обрушил свое дружелюбие на Сэйри. Он буквально танцевал вокруг нее, его быстрый язык лизал ей руки. Фрито успокоился только после команды Бека: «Веди себя хорошо». Он сел, но дрожал от сдерживаемой энергии и умоляюще смотрел на Сэйри влажными карими глазами, прося, чтобы она его погладила.

И она не устояла.

– Замечательный пес. Давно он у вас?

– Пару лет. Я увидел его, когда ему было семь недель от роду. Кто-то из рабочих принес щенка на завод. Едва я заглянул в коробку, как тут же понял, что должен взять это чудо домой. – Мерчент провел костяшками пальцев по голове Фрито. – Мы с ним несколько раз

ссорились, потому что он почти разнес мой дом, но сейчас я просто не представляю, что бы я стал без него делать.

Сэйри смотрела, с какой нежностью Бек ласкает собаку, и ей пришлось признать, что у Мерчента удивительные глаза, сексуальная улыбка и очаровательный питомец. Таким трудно не увлечься. Но Сэйри не желала даже думать о том, что он может оказаться неплохим парнем. Он по-прежнему оставался советником Хаффа Хойла, адвокатом, способным на корпоративное предательство и одному господину известно, на что еще. Вполне вероятно, что Мерчент изображает любовь к собаке только для того, чтобы обезоружить Сэйри.

Они вышли на улицу, и влажная духота обрушилась на них, прогоняя прочь остатки прохлады, сохранившейся на их коже после кондиционера в зале ресторана. Соленый воздух наполнил легкие Сэйри, на мгновение у нее перехватило горло, голова закружилась, в ушах зазвенело.

Бек тронул ее за локоть.

– С вами все в порядке?

Она прижала ладонь к груди, к не желавшим дышать легким, медленно вдохнула носом, выдохнула через рот. Головокружение прошло. А звон в ушах оказался гудением неоновых трубок вывески над входом в ресторан.

– Я еще не вполне акклиматизировалась.

– На это требуется время, – согласился Бек и посмотрел на нее. – Но ведь вы не остаетесь здесь надолго, верно?

– Нет. Так надолго не останусь.

Он кивнул, но остался стоять рядом с ней, не сводя глаз с ее лица.

– Прежде чем я уйду, я хотела спросить... Ой!

– Что?

– Фрито наступил мне на ногу.

Пес старался втиснуться между ними, и его лапа тяжело опустилась на ногу Сэйри.

– Простите. – Бек открыл дверцу своего пикапа и жестом велел Фрито прыгать.

Пес спокойно, словно проделывал это тысячу раз, влез на сиденье, уселся там и высунул голову в боковое окно. Язык свесился набок, и у собаки был совершенно невинный вид.

Сэйри доковыляла до кузова пикапа и, держась за бортик, принялась ощупывать ногу.

– Есть повреждения?

– Кажется, все в порядке.

– Мне очень жаль. Вообще-то Фрито считает себя комнатной собачкой.

Нога болела, но Сэйри сказала:

– Я просто испугалась.

– О чем вы собирались спросить?

Сэйри не сразу вспомнила.

– Сколько прошло времени после того, как вы помогли моим братьям в драке в баре, когда стали старшим советником в компании Хойла? Когда Хафф нанял вас, сколько времени прошло после потасовки в «Лезвии бритвы»?

– Как только я оправился от похмелья, – хмыкнул Бек. – Честно говоря, Крис пригласил меня пожить у него несколько дней, порыбачить, потусоваться. К концу моего пребывания ему стало ясно, что я недоволен работой в юридической фирме. Когда я собрался уезжать, Хафф сделал мне предложение, от которого я не смог отказаться. Переезд не был для меня проблемой. Я приехал в Дестини не затем, чтобы остаться, но это решение не потребовало от меня долгих раздумий.

Бек погрузил пальцы в густую шерсть Фрито и почесывал псу загривок. У того закрылись глаза. Фрито млел от удовольствия. Чтобы вернуть внимание Мерчента к их разговору,

Сэйри спросила, что стало с Келвином Макгроу. Именно он был адвокатом Хаффа с тех пор, как Сэйри себя помнила. Бек занял его место.

– Мистер Макгроу вышел на пенсию.

– Вернее, на пенсию его отправил Хафф, – уточнила Сэйри.

– Я не знаю, как они договорились. Я уверен, что Хафф предложил ему неплохие условия для ухода на покой.

– Я в этом тоже не сомневаюсь, – парировала Сэйри. – Чтобы заставить Макгроу молчать, потребовалось немало денег.

– Молчать?

– Насчет того, как он подкупил присяжных во время процесса над Крисом.

Пальцы Бека Мерчента замерли, очень медленно он убрал руку от шеи Фрито. Пес взвизгнул, протестуя, но его хозяин как будто не обратил на это внимания. Все его внимание было сосредоточено на Сэйри. Он медленно двинулся к ней и остановился только тогда, когда они оказались лицом к лицу. Ей некуда было бежать. Бек почти прижимал ее к борту пикапа.

Сэйри отпрянула.

– Назад! – скомандовала она.

– Не сейчас.

– Что вы себе позволяете?

– Я намерен признаться. Я вам солгал.

– Этого следовало ожидать. Но вам придется уточнить.

– Насчет москита.

Сэйри смотрела на него, ничего не понимая.

– Если помните, сегодня днем на берегу залива я согнал москита с вашей щеки. Не было там никакого москита, Сэйри. Мне просто хотелось дотронуться до вашего лица.

На этот раз он не дотрагивался до нее, но его глаза не отрывались от нее, и это прикосновение взглядом подействовало на нее сильнее, чем его рука. Ему не следовало стоять так близко к ней. Посторонние люди не должны подходить так близко друг к другу. Более того, Сэйри испытывала физический дискомфорт. На улице было слишком жарко, чтобы два человека стояли так близко друг к другу, чувствовали жар тел, дышали одним воздухом.

– Я этого не помню, – солгала Сэйри, оттолкнула Бека и пошла к своей машине, припаркованной по соседству. Бек нагнал ее, взял за локоть и развернул к себе.

– Во-первых, черта с два вы не помните. Во-вторых, вы высказали несколько весьма смелых предположений. Вы объявили, что Крису сошло с рук убийство человека, потом обвинили отца в том, что он подкупил присяжных. Это серьезные преступления.

– Не менее тяжкое преступление подтасовка улик.

Бек удивленно поднял плечи.

– Не понял.

– Желтая глина. – Сэйри указала на его пикап. – Колеса заляпаны ею. И ваши ботинки тоже.

Они оба одновременно взглянули на перепачканные ботинки, видневшиеся из-под обтрепанного края джинсов. Снова подняв глаза на Бека, Сэйри сказала:

– В этом округе только в одном месте почва цвета охры. Там, где наше бунгало на берегу залива.

На щеке Бека вздулся желвак.

– К чему вы клоните?

– Вы были там сегодня, верно? Не утруждайте себя, не лгите. Я знаю, что вы туда ездили. Интересно лишь узнать, что вы там делали.

– Если ваш дизайнерский бизнес пойдет ко дну, вы можете поступить на службу в ФБР.

- Помощник шерифа Скотт сказал нам, что пока бунгало остается местом преступления. Он говорил, что его огорожат.
- Там есть ярко-желтая лента.
- На которую вы не обратили внимания.
- Вы знаете, что собаки не различают цвета? Фрито не понял, что это место преступления. Он рванул прямо туда. Мне пришлось бежать за ним.
- Ну, разумеется, он же не реагирует на жесты, команды и свист, так?
- Повисло тяжелое молчание. Бек понял, что попался.

8

Он был толстым и розовым.

Никаких сомнений. Джордж Робсон поморщился.

Огромное трехстворчатое зеркало в его ванной комнате безжалостно отражало все его физические недостатки. Ему не нравилось то, что он видел. Казалось, с каждым днем у него на голове становится все меньше волос, и все больше их появляется на спине. Грудь обвисла, живот опустился, стал дряблым. И пенис казался не крупнее большого пальца.

Если бы он проводил поменьше времени за игрой в гольф и побольше в фитнес-клубе, ему бы удалось накачать мышцы. Но с остальным ему не справиться. И это его беспокоило. Молодую красавицу жену надо было удовлетворять. И обходиться ему приходилось тем, что было в наличии.

Прежде чем войти в спальню к Лайле, Робсон стыдливо надел трусы-боксеры. Жена лежала на кровати и просматривала модный журнал. Джордж устроился рядом с ней.

– Ты красивее любой фотомодели.

– Гм.

– Нет, в самом деле, – сказал он, и это были не просто слова. Джордж действительно так думал. Лайла была самой красивой женщиной из всех, что ему доводилось видеть.

Она надела ночную рубашку из тех, что ему так нравились: коротенькая, с тоненькими бретельками, одна сползла с ее плеча. Джордж потянулся и спустил ее пониже, погладил грудь Лайлы.

Она отбросила его руку.

– Сегодня слишком жарко.

– Но не в нашей спальне, дорогая. Я установил кондиционер на шестьдесят восемь, как раз как ты любишь.

– И все равно жара.

Джордж скромно устроился рядом, не мешая жене листать журнал. Он смотрел на ее лицо, красивые волосы, невероятное тело и постарался избавиться от страха. Почему она с ним так? Джордж этого не хотел знать, но узнать было необходимо, потому что неведение сводило его с ума.

– Похороны удались, согласна? – спросил он как можно беззаботнее.

Выражение лица Лайлы не изменилось.

– Я едва не заснула в церкви. Такая скука.

– Хафф устроил пышные поминки.

– Неплохие.

– А куда ты исчезла?

– Я исчезла? – Она перевернула следующую страницу. – Когда?

– Я не мог найти тебя в доме.

Лайла обернулась через плечо:

– Я ходила в туалет.

– Я заглянул туда.

– Там была очередь, и я поднялась наверх. Ты что-то имеешь против? Или мне следовало терпеть до дома?

– Не сердись, любимая, я просто...

– Ладно, забудь. – Она бросила журнал на пол. – В такую погоду невыносимо спорить о таких глупостях, как мой поход в туалет.

Она принялась взбивать подушки за головой. Вышитые шелковые наволочки она приобрела в бутике в Новом Орлеане. Они стоили целое состояние. Джордж чуть не умер, когда увидел счет за них.

– И ты потратила столько денег на наволочки? – изумился он тогда.

Лайла пообещала вернуть покупку в магазин, но следующие несколько дней была такой несчастной, что Джордж сдался и сказал, что она может оставить эти чертовы тряпки. Лайла расплакалась, принялась его благодарить, уверяя, что он самый лучший из мужей. Джордж просто купался в ее нежности.

– Спасибо, что пошла со мной сегодня, – поблагодарил он, кладя руку на ее бедро. – Мы должны были там появиться.

– Разумеется. Ты же на них работаешь.

– Директор по технике безопасности труда – это очень важная должность, ты же знаешь. У меня огромная ответственность, Лайла. Без меня Хойлы...

– Ты кормил кота?

– Я смешал консервы из банки с сухим кормом, как ты и сказала. И потом, моя работа на предприятии так же важна, как то, что делает Крис. А может быть, и важнее.

Лайла перестала играть с украшенным кружевом краем наволочки и посмотрела на мужа.

– Никто не сомневается в этом, Джордж. Я лучше других знаю об этом, потому что ты проводишь столько времени на заводе. – Она надула хорошенькие губки. – Я знаю, потому что, когда ты там, ты не со мной.

Улыбаясь, она стянула через голову ночную рубашку и игриво провела ею по груди Джорджа. Его маленький пенис напрягся.

– У тебя есть кое-что для Лайлы сегодня, а, Джордж? – промурлыкала она.

Ее рука скользнула в ширинку его трусов, и она постаралась доставить ему удовольствие. На это Лайла была мастерица. Когда Джордж принялся ласкать ее, Лайла застонала, словно получала огромное удовольствие от этой любовной игры.

Джордж решил, что ошибся. Возможно, он стал просто параноиком, воображает невесть что, ищет улики, доказательства того, чего никогда не было. Джордж Робсон был маленького роста, толстый, розовый. Крис Хойл был высокий, темноволосый и красивый. Он пользовался репутацией мужчины, получавшего любую женщину, которую он захочет.

Джордж лично знал мужчин на заводе, чей брак дал трещину или совсем развалился из-за того, что жены изменяли своим мужьям с Крисом Хойлом. Естественно, он не мог чувствовать себя спокойно, когда его Лайла оказалась так близко от известного бабника.

Робсон проработал на Хойлов двадцать лет. Он отдал им всего себя – свое время, свои силы, свою гордость. Но чем больше отдаешь таким людям, тем больше они берут. Они питаются людьми, жизнями, душами. Джордж давно это принял. Он с готовностью стал человеком, который согласен на все.

Но, господь свидетель, есть предел всему. Для Джорджа Робсона этим пределом была его жена.

Хафф спустился вниз по лестнице, одетый только в трусы-боксеры и старомодную полосатую майку. Он старался ступать неслышно, но ступени скрипели, так что к тому моменту, когда он оказался в холле первого этажа, Селма уже ждала его там, завернувшись в халат, слишком теплый для этого времени года.

– Вам что-то нужно, мистер Хойл?

– Немного уединения в моем собственном чертовом доме меня бы вполне устроило. Или ты все время прислушиваешься?

– Что ж, простите за то, что я беспокоюсь о вас.

- Я уже сотню раз тебе сегодня повторил, что со мной все в порядке.
- Вы не в порядке, вы просто держите себя в руках.
- Мы не могли бы продолжить этот разговор в другое время? Я в одних трусах.
- Я подбираю и стираю эти трусы. Или вы считаете, что, увидев вас в них, я упаду в обморок? И потом, вы выглядите очень мило.
- Отправляйся спать, пока я тебя не уволил.

С высокомерием примы-балерины Селма сделала пируэт в своем махровом халате и исчезла в задней половине дома.

Хафф долго не мог уснуть, ворочался с боку на бок в кровати. Его мозг не отключался никогда, даже когда он спал крепким сном. Как печи на его литейном заводе, серое вещество работало ночью с такой же интенсивностью, как и днем. Случалось, именно во сне Хафф решал самые острые проблемы. Он ложился спать с дилеммой, а утром просыпался с готовым решением, которое подсказало ему его активное подсознание.

Вот только на этот раз проблемы продолжали мучить и тревожить его, так что сон не шел. Стоило Хаффу закрыть глаза, как он видел свежую могилу Дэнни. Даже засыпанная цветами, она выглядела дырой в земле, и в этом не было ничего достойного.

Хаффу показалось, что стены его комнаты сдвигаются, смыкаются над ним, как земля над Дэнни, как потолок нависает над ним, словно крышка гроба с атласной обивкой. Хафф никогда не страдал клаустрофобией, тем более в собственном доме. И хотя поток воздуха из кондиционера был направлен на его кровать, простыни были влажными от пота и прилипали к телу.

Раздражение не покидало его. Не желая лежать в постели и лелеять свое несчастье до рассвета, Хафф решил встать и выйти во двор. Возможно, покой пригорода успокоит его и принесет сон.

Он распахнул парадную дверь. В доме не было сигнализации, и дверь редко запирали. Кто осмелится обокрасть Хаффа Хойла? На это мог решиться либо необыкновенно смелый человек, либо сумасшедший. Хафф презирал арабов точно так же, как и евреев, латиноамериканцев, черных и азиатов, то есть всех, кто не был похож на него. Но он восхищался быстротой арабского правосудия. Так что, если бы Хафф поймал того, кто покусился на его добро, он бы отрубил виновному руку и только потом передал того неторопливой системе правосудия, которая в последнее время больше озабочена чертовыми гражданскими правами, а не тем, чтобы наказать преступника.

От этих мыслей его недовольство усилилось. Хафф грязно выругался.

Усевшись в любимое кресло-качалку на галерее, Хафф закурил. Он удовлетворенно дымил, посматривая на ту часть неба, которую окрашивали в розовый цвет огни литейного завода. Над городом тонкой пеленой повис дым из труб. Пусть сам Хойл отдыхает, его предприятие не спит никогда.

Летом на галерее вентиляторы никогда не выключали, потому что в такие ночи, как эта, они оставались единственным источником ветра. Хафф откинулся на спинку, наслаждаясь прикосновением ветерка к липкой коже. Он закрыл глаза и стал вспоминать, когда он впервые увидел вентилятор. Он не забыл этот день, словно это все было вчера.

Его отец искал работу. Хафф вместе с ним зашел в аптеку. На продавце красовались галстук-бабочка и широкие подтяжки. Держа шляпу в руке, низко опустив голову, отец Хаффа сказал, что мог бы натереть паркетные полы в магазине или сжечь мусор. Он был готов на любую, даже тяжелую работу, которую мог предложить владелец. Кстати, он видел несколько осиних гнезд под свесом крыши. Может быть, владельцу угодно, чтобы он их снял?

Пока мужчины обсуждали условия временной работы Хойла-старшего, маленький Хафф стоял, задрал голову, и смотрел на лопасти удивительной машины, которая мешала холодный воздух с горячим и охлаждала его обгоревшее, красное от жары лицо.

Весь тот день его отец натирал полы, расставлял товары по полкам, мыл окна. Он жег мусор на палящем солнце и велел Хаффу следить, чтобы не разлетались искры. Мальчик как зачарованный смотрел на языки пламени и ощущал потоки жара, исходящие от баков.

Его отец проработал на аптекаря целый день без перерыва. Но в тот день у Хаффа был ужин: сэндвич с сыром и остатки содовой из фонтанчика в аптеке. Он еще не ел ничего вкуснее, хотя ему и было стыдно есть перед отцом, который сказал, что не голоден.

Хаффу очень хотелось, чтобы аптекарь предложил ему мороженое в вафельном стаканчике. Он видел, как такое ели посетители. Прохладная масса спиралью поднималась так высоко, что Хафф удивлялся, как она не падает из рожка на пол.

Но аптекарь не предложил. Когда Хафф покончил с сэндвичем, растягивая удовольствие как можно дольше, хозяин аптеки предложил им с отцом двигаться дальше, как это уже бывало.

Свет фар, перечеркнувший лужайку, прервал воспоминания Хаффа. Он потер лицо руками, словно стирая тот день со своего лица. Он бы почувствовал себя неловко, если бы кто-то узнал о его детстве.

Сияющий «Порше Каррера», принадлежащий Крису, остановился у дома. Сын Хаффа выбрался на дорожку и пошел к дому. Отца он заметил не сразу.

– Что ты делаешь здесь в такой час?

– А как по-твоему?

– Симпатичный костюмчик, – прокомментировал Крис, падая в качалку рядом с отцом и забрасывая руки за голову. – Я так устал, что завтра мог бы проспять весь день напролет.

– У тебя есть работа.

– Я скажу, что заболел. Кто меня уволит?

Хафф хмыкнул.

– Где болтался столько времени?

– Мать Джорджа свалилась с кишечным гриппом. Она позвонила в совершенно неподходящее время. Бедняге Джорджу пришлось встать с постели и ехать к ней. Он оставил бедняжку Лайлу в полном одиночестве и тоске.

– От этой девчонки одни неприятности.

– Определенно. Это-то и заводит.

Хафф выпустил струю дыма.

– И ты намерен потратить лучшие годы на то, чтобы обслуживать чужих обиженных жен? Может быть, ты все-таки вернешь собственную жену и сделаешь ей ребенка?

Крис крепко прижал ладони к глазам, словно вопрос причинил ему боль.

– Я не хочу говорить об этом сегодня.

– Мы будем говорить об этом тогда, когда я сочту нужным. Ты давно избегаешь разговоров о Мэри Бет. Я хочу знать, что происходит.

– Ладно. – Крис откинул голову на подголовник и глубоко вздохнул. – Она отказывается подписывать документы о разводе. Бек консультировался с лучшим адвокатом по бракоразводным делам в Новом Орлеане. Этот тип всегда выступает на стороне мужчин, а не их жадных до денег жен. Он крутой мужик. Этот адвокат составил документ, Бек все просмотрел. С его точки зрения, это идеальный вариант для меня и очень щедрый по отношению к Мэри Бет. – Крис перестал раскачиваться и подался через подлокотник к отцу. – Она не подписывает.

– Значит, вы можете помириться.

Крис коротко хохотнул и занял прежнее положение.

– Мэри Бет отказывается разводиться не потому, что хочет вернуться ко мне. Она просто не хочет. Моя жена ненавидит меня, ненавидит тебя, ненавидит этот город, ненавидит наш завод. Она презирает нас и то, что мы делаем.

– Черт побери, мальчик, она всего лишь женщина. Жен-щи-на. Прекрати трахать Лайлу и отправляйся в Мексику. Обработай жену. Делай то, что требуется. Подари цветы, драгоценности, новый автомобиль, новые титьки, если она их хочет. Заставь ее вернуться, умасли подарками и романтикой. Трахни ее. От тебя не убудет. И трахай до тех пор, пока она не забеременеет. Потом запри ее, пока не родится ребенок. Как только мы получим внука, мы объявим ее никуда не годной матерью и отправим на все четыре стороны без единого пенни.

Крис покачал головой.

– Этого не будет, Хафф. – Он поднял руку, призывая отца к молчанию. – Даже если бы я захотел снова соблазнить эту сучку, а я этого не хочу, даже если бы я трахнул ее, как ты романтически выразился, тысячу раз, ничего бы не вышло.

– Почему это? О чем, черт побери, ты толкуешь?

– Она перевязала трубы.

Хафф почувствовал, как подскочило давление. За доли секунды его смутное недовольство превратилось в пылающий костер ярости, не дающий ему дышать.

Крис продолжал:

– Когда я в последний раз предлагал ей помириться, Мэри Бет высмеяла меня. Она сказала, что я хочу этого только потому, что нам с тобой необходим наследник. И почему я решил, что она глупа? – Он покосился на Хаффа. – О ней можно много чего сказать, но она далеко не дура. Мэри Бет в пух и прах разбила наши надежды, когда объявила, что перевязала трубы. Она сказала, что от противозачаточных таблеток толстеет. И это было правдой. У нее задница стала как корма. А теперь она носит бикини-тонги, так что никаких лишних килограммов и задержки жидкости. Я процитировал ее слова. Так что она пошла на стерилизацию. Вот почему она может трахаться со своим мексиканским чистильщиком бассейнов, может вернуться сюда и быть любящей, преданной женой, может уйти в монастырь, но зачать ребенка она не может. – Крис вздохнул. – Я боялся говорить с тобой об этом, но теперь я рад, что этот разговор уже позади.

Обдумывая неприятную информацию, Хафф искурил сигарету до фильтра. Его глупая, ветренная невестка – слишком громкий титул для строптивой потаскухи – лишила себя возможности иметь детей. Ладно. У Криса остается лишь одна возможность. Он должен развестись с ней любой ценой и жениться на женщине, которая родит ему детей.

Хафф снова расслабился. По крайней мере им незачем больше придумывать, как поступить с Мэри Бет. Она потеряла право на участие в принятии решений. И Хафф был готов поблагодарить ее за это. Теперь перед ним и Крисом стояла новая цель, и они могли галопом устремиться к ней.

– Ты сказал об этом Беку? – спросил Хафф.

– Никому не говорил, – ответил Крис. – Я только предупредил, что больше не надеюсь на примирение и хочу развестись как можно быстрее.

– И Бек считает, что этот адвокат из Нового Орлеана лучший?

– Он дорого берет, но его клиенты не уходят из зала суда, обобранные до нитки, неся в бумажном пакете собственные яйца.

Хафф рассмеялся и похлопал Криса по колену.

– Держись этого парня, яйца тебе еще пригодятся.

Крис улыбнулся в ответ, но оставался удрученным.

– Мне следовало прислушаться к твоим словам и сделать Мэри Бет ребенка сразу после свадьбы. А я пошел у нее на поводу и согласился, что следует подождать, пока она «приживется в семье», как она выразилась.

Крис об этом не знал, но Хафф не оставил новобрачным права самим решать. Он отправился к доктору Кэроу и попросил его заменить противозачаточные таблетки Мэри Бет сахарными плацебо. Доктор сделал это. Разумеется, за солидный гонорар.

Вложение денег оказалось неудачным. Проходили месяцы, но Мэри Бет все не беременела. Почти сразу после свадьбы они с Крисом чаще ругались, чем занимались любовью.

– Все уже в прошлом, сынок, – сказал Хафф. – Незачем тратить время на пустые сожаления. Мы должны сосредоточиться на том, чтобы побыстрее добиться развода. Если она спит с мексиканцем, мы можем заявить о супружеской измене.

– А Мэри Бет в ответ представит список моих любовниц, большинство из которых были ее лучшими подругами. Нам надо придумать что-то еще.

Хафф снова похлопал сына по колену и встал.

– Хорошо, что этот адвокат из Нового Орлеана на нашей стороне. Даже если мы не сможем рассчитывать на него, у нас есть Бек. Идем-ка спать.

– Долгий был день, – заметил Крис, когда они вошли в погружившийся в тишину дом. – Кажется, прошла целая вечность с тех пор, как мы уехали на похороны, правда?

– Гм. – С отсутствующим видом Хафф растирал грудь, где бушевал огонь.

– А что ты думаешь о Сэйри? У нас не было возможности поговорить о ней.

– Все такая же злюка.

– Злюка? – фыркнул Крис, поднимаясь по лестнице следом за отцом. – Это все равно что называть Усаму бен Ладена хулиганом.

– Твоя сестра не уехала из города, как собиралась. Мне звонил менеджер мотеля «Приют». Она забронировала комнату.

– Почему Сэйри так поступила?

– Возможно, она устала так же, как и мы, или не захотела ехать в Новый Орлеан в темноте.

Крис скептически посмотрел на отца.

– Если бы моя сестрица очень хотела убраться из города, она бы на карачках поползла. Она ничуть не лучшего мнения о нас и Дестини, чем Мэри Бет. А может быть, и худшего.

– Проклятые бабы! Кто поймет, почему они поступают так, а не иначе? – рывкнул Хафф. – Во всяком случае, Бек провел с ней часть вечера.

– Ты ему приказал?

– На этот раз нет. Он спас ее от Шлепы Уоткинса.

Крис остановился на площадке.

– Я не ослышался?

Хафф повернулся к нему. Он улыбался и покачивал головой.

– Я так слышал. Бек заехал в ресторанчик, чтобы перекусить, и увидел там Сэйри, что само по себе удивительно. Но там был еще и Шлепа со своими большими ушами и всем прочим, который пытался ее закадрить.

Хафф повторил Крису то, что сообщил ему Бек. Когда он закончил свой рассказ, его сын лишь качал головой от изумления и недоверия.

– Что мог Шлепа сказать Сэйри?

– Напоследок он обложил все наше семейство. – Хафф нахмурился. – Я рад, что Бек вмешался. Кто знает, на что способна эта белая шваль. Как только они с Сэйри расстались, Бек позвонил мне по сотовому. Он ехал за ней до мотеля и проследил, как она вошла в номер. Сэйри знала, что Мерчент следит за ней, и, вероятно, сообразила, что он все время разговаривал со мной. По словам Бека, если бы взглядом можно было убить, он был бы уже мертв.

– Ну еще бы.

– Беку она сказала, что хочет отдохнуть, чтобы утром начать все сначала. Но я уверен: это не вся правда. Думаю, Сэйри жалеет о том, что ее не было в тот момент, когда семья в ней нуждалась.

– По-моему, ты слишком хорошо о ней думаешь, я с тобой не согласен, – возразил Крис. – Полагаю, твоей дочери просто наплевать на всех нас.

– Не будь так уверен в этом. Бек говорил, что она расспрашивала его о деле Айверсона.

– Как мило с ее стороны, что она заглянула к нам и поинтересовалась этим.

Хафф лишь улыбнулся сарказму сына.

– Я считаю, что твоя сестра чувствует себя виноватой, потому что не была рядом с тобой, когда ты в ней нуждался, и, вероятно, сожалеет о том, что ничем не сумела помочь Дэнни.

– Что такого могла сделать для него дражайшая Сэйри, чего не сделали мы?

Остановившись в полутемном коридоре, Хафф посмотрел на запертую дверь спальни Дэнни.

– Скорее всего, ничего. Черт, я никогда не мог понять этого парня. Видимо, из-за того, что он лишился своей мамочки в таком юном возрасте, Дэнни что-то потерял и так и не смог этого вернуть.

Крис положил руку на плечо отца.

– Надеюсь, теперь Дэнни обрел то, что искал, и покоится с миром.

На этом они пожелали друг другу спокойной ночи и отправились в свои комнаты. Хафф, который редко чувствовал себя усталым, на этот раз буквально выбивался из сил. Но спать он не лег, а уселся в большое кресло у окна, выходявшее на заднюю лужайку и залил за ней.

К нему вернулись беспокоившие его мысли, которые он надеялся прогнать, посидев на веранде. Этому поспособствовал Крис со своим запоздалым рассказом о Мэри Бет. И еще Сэйри. Как она на него злится! И это на собственного отца!

Хафф не винил Лорел за то, что она так рано умерла. Но жена оставила его с тремя детьми на руках. Хафф старался изо всех сил, но лишь Крис вырос таким, как он хотел.

Сложная штука жизнь. Но альтернатива куда хуже.

Хафф не верил в загробный мир. Священники могли сколько угодно толковать о сокровищах, ожидающих людей на небесах, но, с точки зрения Хаффа, со смертью все кончалось. Дальше не было ничего. Умер – значит умер. Хафф не стал возражать Крису, когда тот сказал, что Дэнни обрел покой, но он был с этим не согласен.

Дэнни не обрел покой, и у ворот рая его не встретили ангелы и не предложили ему нимб и пару крыльев.

Его младшего сына поглотила пустота, вечная черная бесконечность. Такой Хафф представлял себе смерть.

Вот почему человек должен брать от жизни все. Награда дается только при жизни. Хафф царапался, кусался, хватал все, только бы стать самым лучшим, самым великим, самым ужасным. И пусть провалятся к чертям все те, кто осуждает его методы. Хафф Хойл ни перед кем не отчитывается.

И если его жизнь никогда не бывает спокойной, отлично. Без этого можно и обойтись.

9

Сэйри вошла в офис шерифа и подошла к стойке дежурного. Помощник шерифа пробормотал что-то нечленораздельное в ответ на ее приветствие. Он не удосужился снять ноги со стола и продолжал чистить ногти узким лезвием перочинного ножа.

– Я хотела бы видеть помощника шерифа Уэйна Скотта.

Угрюмое выражение не исчезло с лица служащего, и если осуществление своих служебных обязанностей, за которые ему платили, состояло в том, чтобы снять ноги со стола, выпрямиться и отложить гигиеническую процедуру на другое, более подходящее время, то этого он делать явно не собирался.

– Скотта нет.

– А шериф Харпер на месте?

– У него нет времени.

– Так он здесь или нет?

– Шериф здесь, но вас...

Сэйри прошла мимо него и двинулась по короткому коридору. Помощник шерифа рванулся за ней, пытаясь ее остановить криком «эй!», но Сэйри без стука распахнула дверь в кабинет Харпера.

Тот сидел за столом, занимаясь какими-то бумагами.

– Прости, Ред, – прозвучал из-за ее спины голос помощника шерифа. – Она просто взяла и вошла, изображает тут из себя!

– Ей не надо никого изображать, Пэт. Все в порядке. Я позову, если ты мне понадобишься.

– Дверь закрыть? – Пэт адресовал вопрос Реду Харперу, но ответила ему Сэйри:

– Да.

Помощник шерифа обжег ее убийственным взглядом, но попятился и закрыл за собой дверь. Сэйри снова повернулась к шерифу:

– И это лучший из тех, кого вы смогли найти?

– Иногда Пэт ведет себя эксцентрично.

– Это не извиняет его грубости.

– Ты права, не извиняет. – Ред Харпер махнул рукой в сторону кресла, приглашая ее сесть. – Сказать, чтобы тебе принесли кофе или чего-нибудь еще?

– Нет, спасибо.

Какое-то время Харпер разглядывал ее.

– Калифорния пошла тебе на пользу, Сэйри. Ты хорошо выглядишь.

– Спасибо.

К сожалению, Сэйри не могла ответить комплиментом на комплимент. Этим утром шериф выглядел еще хуже, чем накануне вечером, словно ему не удалось отдохнуть.

Он поудобнее устроился в кресле.

– Мне приятно видеть тебя, но лучше бы тебя привела домой другая причина. Дэнни мне всегда нравился.

– Его многие любили.

– Он был приятным парнем. – Шериф помолчал немного, словно отдавал дань уважения недавно усопшему. Потом спросил: – Чем я могу тебе помочь сейчас?

– Скорее я могу помочь вам. У меня есть информация для детектива Уэйна Скотта. Она касается его расследования.

На лице Харпера появилось удивление, и он знаком велел ей продолжать.

– Вчера вечером мы с Бекм Мерчентом случайно встретились в ресторане. Это было около десяти часов.

– Вот как, – констатировал шериф, явно не уверенный в том, что последует за этим объявлением.

– Когда мы оказались на парковке, я заметила, что колеса его пикапа и его ботинки вымазаны желтой глиной. Такая почва есть только около бунгало. Я обвинила его в том, что он ездил туда, был на месте преступления и, возможно, подменил улики. Мерчент признал, что ездил туда. Он отправился в бунгало после нашего вчерашнего разговора, хотя вы всех предупредили, что дом считается местом преступления и что туда нельзя заходить.

– Верно.

– Верно?

– Бек ездил туда вчера по моей просьбе.

Сэйри показалось, что шериф дернул за край ковра, на котором она стояла.

– По вашей просьбе?

– Я просил Бека встретиться там со мной и помощником шерифа Скоттом.

Теперь шериф просто сбил ее с ног.

А Ред продолжал:

– Я хотел, чтобы кто-нибудь из семьи...

– Он не член семьи!

– Именно поэтому я и попросил его приехать, Сэйри. Мы со Скоттом хотели, чтобы кто-то из ваших прошел по бунгало и посмотрел, не пропало ли что, не появилось ли что-то новое. Я не нашел в себе храбрости попросить об этом Криса или Хаффа. Там все еще... В общем, там все еще в крови, честно говоря. Есть такие компании, которые специализируются на уборке мест преступлений, но они что-то задержались на этот раз, поэтому...

– Я понимаю, – нервно перебила его Сэйри.

– Я не хотел причинять боль Хаффу или Крису, но нам был необходим кто-то из знакомых, кто мог бы осмотреть все и заметить что-то необычное.

Чувствуя себя полной дурой, Сэйри пробормотала:

– Это не лишено смысла.

Она не спала ночь, желая как можно скорее разоблачить Мерчента, чьи действия показались ей по меньшей мере подозрительными, а скорее всего, преступными. А он всего лишь избавил семью от тяжелой обязанности. Ей полагалось быть благодарной.

Но его вероломство – это отдельный разговор. Когда она обвинила Бека в том, что он ездил в бунгало, он бы мог объяснить ей ситуацию. А Мерчент намеренно заставил ее выставить себя идиоткой.

– Ну и как?

– Ты о чем? – переспросил шериф.

– Мистер Мерчент нашел что-нибудь?

– Я не могу обсуждать ход расследования, Сэйри, пока дело не закрыто. Уверен, ты понимаешь.

Она отлично все понимала. Шериф устроил ей обструкцию.

– Вы говорите о расследовании. Значит ли это, что вы больше не считаете смерть Дэнни самоубийством?

– Самоубийство тоже преступление и должно быть расследовано. – Подавшись вперед, шериф негромко сказал: – Мы просто выполняем свою работу, только и всего. Мы хотим быть на сто процентов уверены в том, что, половив рыбу в заливе, Дэнни в какой-то момент решил по неизвестной нам причине расстаться с жизнью. Вероятно, мы никогда не получим всех ответов.

– Он оставил записку?

– Мы ее не нашли.

Возможно, Дэнни решил, что раз он такая незначительная фигура, что с ним не хотят даже разговаривать, то незачем оставлять и прощальную записку. И все-таки Сэйри поинтересовалась:

– Вам это не показалось странным?

– Почти в половине случаев самоубийств, которые я расследовал, записок не было, – шериф смотрел на нее по-доброму. – Правда в том, что человек в таком состоянии даже самому себе не может объяснить, почему он так поступает. В таких случаях нам, оставшимся, приходится лишь принять то, с чем смириться невозможно.

Отличная речь, но даже если бы при этом он поглаживал ее по голове, даже тогда он не выглядел бы более снисходительным. Харпер по праву был членом мужского клуба. Она могла носить фамилию Хойл, но при этом оставалась всего лишь женщиной.

– А как насчет тех рыбаков, которые обнаружили тело?

– Если ты намекаешь на то, что они не те, за кого себя выдают, то мы их проверили. Они вне подозрений. С ними были их жены, и этих женщин просто трясло от увиденного в бунгало, поверь мне. У нас нет причин считать их кем-то, кроме случайных прохожих.

– Расскажите мне о Джине Айверсоне, – попросила Сэйри.

– Что?!

Она намеренно резко сменила тему разговора. Сэйри хотела посмотреть, как шериф прореагирует на это имя. И она увидела. Харпер побелел как полотно.

– Сегодня утром, – как ни в чем не бывало продолжала Сэйри, – я отправилась в библиотеку и взяла там микро пленку. В местных газетах отчеты о событиях оказались неполными и какими-то расплывчатыми, поэтому я нашла статью в «Таймс-Пикайюн», где говорилось об исчезновении Айверсона, аресте Криса и процессе над ним.

Теперь Сэйри лучше разбиралась в фактах, связанных с обвинениями, выдвинутыми против ее брата. Юджин, или Джин, Айверсон был служащим на предприятии Хойлов. Почти с первого же дня работы ему удалось организовать ячейку профсоюза работников литейной промышленности. Хотя к его работе было невозможно придраться, он восстановил против себя управленцев тем, что сплотил вокруг себя недовольных.

В конце концов Айверсон пригрозил устроить забастовку, если не будут улучшены условия труда и меры безопасности, как того требует законодательство.

Угроза забастовки всполюшила преданных Хойлам или запуганных ими рабочих. Многие из них не приветствовали создание профсоюза и не вступали в него. Мнения разделились, начались споры, и из-за этого снизилась выработка.

Хафф, желая избежать огласки, вмешательства правительственных чиновников и профсоюзов, назначил встречу между Айверсоном и представителями администрации, чтобы выяснить, нельзя ли добиться соглашения, которое устроило бы всех.

Во время встречи Айверсон разоблачил все мелкие уступки, которые предлагал Хафф. Он заявил, что его не купит крошечной прибавкой к зарплате и пустыми обещаниями об улучшении. Он объявил, что будет продолжать работать до тех пор, пока все работники предприятия не станут членами профсоюза.

Айверсон ушел с этой встречи, и больше его не видели.

– После того как Айверсон вылетел из зала заседаний, мой брат сказал, что агитатора пора заткнуть, – напомнила Сэйри шерифу.

– На суде это подтвердили люди, находившиеся на той встрече. На перекрестном допросе, который вел Макгроу, они показали, что это была шутка. – Ред Харпер криво усмехнулся. – Также было отмечено, что, если человек хочет кого-то убить, едва ли он объявит об этом перед целой толпой.

– Хойлу позволено все.

Шериф Харпер устало взглянул на Сэйри. Она нажала еще:

– Айверсон попытался заставить мою семью ответить за все несчастные случаи на производстве, произошедшие на нашем литейном заводе.

– О них было доложено, провели проверку.

Теперь настала очередь Сэйри устало смотреть на шерифа.

– Если Хойлов хватают за руку, когда они нарушают технику безопасности и это приводит к несчастному случаю – а я помню как минимум две смерти, – то они платят отступные и считают это издержками производства. Они с инспекторами крепко жмут друг другу руки и расстаются друзьями до следующего несчастного случая. Как только на горизонте появляются инспекторы, Хойлы наводят временный порядок, а после их отъезда все возвращается на круги своя. Литейный завод – это угроза для жизни, и вы знаете об этом, Ред Харпер.

Согласна, Айверсон был подстрекателем, – продолжала Сэйри. – Он мог быть самым неприятным субъектом на планете. Я его не знала, и вполне вероятно, он бы мне не понравился, если бы мы познакомились, но я восхищаюсь тем, что он пытался сделать. А Хафф и Крис относятся к этому иначе.

– Сотням рабочих не нравилось то, чем занимался Айверсон, Сэйри. Он стал угрозой для их существования. Если они не работают, их семьям нечего есть. Возможно, Айверсон мог бы пережить забастовку, а они не могли. Так что многим из них хотелось отправить его на тот свет.

– Но его никто не видел мертвым. Поэтому-то Крису все и сошло с рук.

– Крису оправдали присяжные.

– Только половина из них.

Отличный выстрел, но он не пробил доспехи шерифа. Правда, Сэйри это и не ждала. Она могла просидеть в этом кабинете целый день, играя в словесный пинг-понг, и все равно это было бы пустой тратой времени. Ред Харпер до могилы будет прикрывать Хойлов, потому что принадлежал им душой и телом.

Сэйри сомневалась, что его безукоризненная преданность основана на приязни, убеждениях или даже на жадности, потому что он ежемесячно получал от Хаффа вознаграждение. Скорее это стало привычкой, от которой шериф не мог избавиться. Он напоминал человека, который курит сигареты одну за другой и даже не замечает, как прикуривает следующую. Ред Харпер лгал ради Хойлов столько времени, что уже делал это автоматически. Это был условный рефлекс, а не сознательный выбор.

И вполне вероятно, на этот раз шериф не прикрывал Крису. Его и в самом деле могли несправедливо обвинить, он мог стать объектом охоты для честолюбивого прокурора, решившего сделать карьеру на осуждении известного и богатого человека. Именно об этом говорилось в передовице, которую Сэйри читала в библиотеке утром. Ее брат мог стать козлом отпущения, а тайна так и осталась нераскрытой.

Если Крис был не виноват в том, в чем его обвиняли, то Сэйри не должна была бы все еще подозревать его. Это было несправедливо. И даже если ему сошло с рук убийство, то Ред Харпер в этом не признается.

Сэйри взяла сумочку и встала.

– Спасибо, что приняли меня без предварительной договоренности.

– Я рад видеть тебя в любое время, Сэйри. – Харпер вышел из-за стола и проводил ее до двери. – Ты надолго останешься в городе?

– Уеду после обеда.

– Береги себя. Как я слышал, в Сан-Франциско полно извращенцев. – Губы шерифа растянулись в подобии улыбки. – У помощника шерифа Скотта есть номера всех твоих телефонов. Думаю, самое позднее завтра он закончит свое расследование. Я прослежу, чтобы он позвонил тебе, когда будет готово официальное определение.

– Буду признательна.

Сэйри собралась уходить и вдруг вспомнила про Джессику Дебланс, и это заставило ее замедлиться на пороге. Тайная помолвка Дэнни – это важный факт. Но Харперу платит Хафф. Все, что она скажет шерифу, сразу же станет известно Хойлу-старшему. А Джессика говорила, что ей не хотелось бы, чтобы Хафф узнал об их намерении пожениться. Сэйри сомневалась, что может поделиться этой информацией с Уэйном Скоттом. Молодой детектив сочтет себя обязанным проинформировать своего шефа. Сэйри решила никому ничего не говорить, не обсудив это предварительно с Джессикой.

Ее беспокоило что-то еще, но она никак не могла понять причину тревоги. И только у выхода из участка она сообразила, что это.

– Шериф Харпер!

К этому моменту он уже вернулся в свой кабинет, но высунул голову и вопросительно посмотрел на нее.

– Вы говорили мне, что мысль о самоубийстве пришла к Дэнни после рыбалки.

– Это мое предположение.

– Я не могу это принять.

– Мы это уже выяснили, Сэйри.

– Я говорю не о самоубийстве, а о рыбной ловле. Дэнни ненавидел рыбалку.

Как только Бек вошел в кабинет Хаффа, он сразу понял, что старик расстроен. Мерчент не успел даже поздороваться, как Хойл выхватил карточку, напоминающую те, которые вкладывают в букеты или подарки, из стопки подобных и помахал ею перед носом Бека.

– Это выводит меня из себя.

Кому-то наверняка показалось бы невероятным, что отец и сын Хойлы приступили к работе на следующий же день после похорон Дэнни. Правила хорошего тона наверняка предписывали бы им неделю уединения. Но Хафф никогда не придерживался этикета и считал, что каждый день рабочий. В его ежедневнике никто бы не нашел таких слов, как «отпуск» или «выходные».

– Что это такое?

Хафф протянул карточку Беку. Он присел на небольшой диванчик, стоявший около письменного стола. Дальняя стена кабинета состояла из высоких окон, откуда открывался вид на заводской цех. Им мог бы любоваться лишь поклонник мрачного уродства литейного производства. Это был вид с высоты птичьего полета на ад. Темнота. Грохот. Жара.

У Мерчента, Криса и Дэнни были такие же кабинеты чуть дальше по коридору. Крис появился на работе немногим раньше Бека. Дверь в кабинет Дэнни оставалась закрытой.

Бек взглянул на карточку, которую передал ему Хафф.

– «С глубоким сочувствием, Чарльз Нильсон», – прочитал он. Потом, покосившись на Хаффа, коротко хохотнул: – Он что, прислал цветы на похороны Дэнни?

– Ты можешь поверить в наглость этого сукина сына? Сэлли собиралась послать благодарственные письма от моего имени, – начал рассказывать Хафф, упоминая свою секретаршу, – и я решил просмотреть карточки, прежде чем вернуть их ей. И наткнулся на эту. Не могу поверить, что он использовал смерть моего сына, чтобы насолить мне.

– У мужика железные нервы. У вас было время просмотреть папку, которую я вам оставил?

– Я прочел достаточно, чтобы понять, что Нильсон просто пытается сделать себе имя. Все эти газетные статьи напоминают составленные им пресс-релизы.

– Должен с вами согласиться, – сказал Бек, – но они были напечатаны. Нильсон всего лишь работает на публику, пыжится, но люди читают и обращают на это внимание. Раньше его целью были лишь небольшие заводы, но ему все равно удавалось привести на них проф-

союзы или добиться невероятных уступок от руководства. Теперь он надулся от гордости. Я боюсь, что он ищет более серьезную цель, чтобы попасть в средства массовой информации.

– И ты полагаешь, что «Хойл Энтерпрайзиз» может стать этой целью?

– Это было бы естественно, Хафф. Мы предприятие, не имеющее выхода на рынок. Наше литье – это наша продукция. Мы не делаем литье для других производителей. Так что, если хотя бы один аспект плавильного или литейного процесса будет затронут...

– ...производство упадет, мы не сможем выполнить заказы, и наш бизнес рухнет.

– Я уверен, что Нильсон это понимает. И, к несчастью, у нас были случаи травматизма и смерти на производстве.

Хафф встал с кресла и от души выругался. Он подошел к окну и остановился возле него. Глядя вниз, он сердито спросил:

– Ты знаешь, сколько человек проработали здесь и ни разу не были травмированы, а? –

Он обернулся к Беку и ответил сам: – Сотни. Об этом кто-нибудь написал? Разве эти подстрекатели из профсоюза напишут на своих плакатах цифры статистики? Нет, черт побери. Но стоит одному рабочему поцарапаться, как это сразу становится новостью.

Едва ли можно было назвать «царапиной» серьезную потерю крови, когда рабочему раздробило ногу упавшими с неогражденного конвейера трубами, или потерю пальца, попавшего в машину, которую нельзя остановить, или ожоги, от которых мясо буквально сгорало до кости. Но Бек промолчал. Хафф был слишком сердит, чтобы с ним спорить.

– Новость на всех каналах, – продолжал бурчать он. – Словно в Нью-Йорке или Вашингтоне знают, чем мы тут занимаемся. Куча либералов, коммунистические любители сенсационных разоблачений, – ухмыльнулся он. – Один несчастный случай в цехе, и я в окружении государственных инспекторов. Они шастают всюду, везде суют свой нос, выслушивают всех и записывают любое нытье. – Хафф махнул рукой, показывая, что он говорит о рабочих. – Знаешь ли ты, что, когда я был ребенком, я был бы счастлив получить такую работу? Знаешь ли ты, как счастлив был бы мой отец, если бы регулярно получал зарплату?

– Я с вами согласен, Хафф, – негромко сказал Бек. – Успокойтесь, не то вас хватит удар.

– Дерьмо все это, – пробормотал Хафф, возвращаясь к своему столу. Он покраснел и тяжело дышал.

– Вы принимаете лекарство от давления?

– Нет. Если буду их принимать, у меня всегда будет полшестого.

Все в городе знали, что один раз в неделю Хафф бывает у женщины, живущей в пригороде. Насколько знал Бек, Хойл-старший оставался ее единственным клиентом, и, вероятно, она неплохо получала, чтобы это положение не менялось.

– Если выбирать между высоким давлением и импотенцией, то я выбираю давление, – резюмировал Хафф.

– Слушайте, слушайте! – воскликнул Крис, переступая через порог.

Как всегда, он был одет с иголки и безукоризненно причесан. Не выбивался ни один волосок. Бек часто гадал, как Крису это удается, когда температура еще до полудня поднимается до девяноста градусов.

– Судя по всему, я пропустил очень интересный разговор. Что затеваете?

Пока Хафф наливал себе воды из графина на столе, Бек вкратце пересказал суть их дискуссии о Чарльзе Нильсоне.

Крис отмахнулся от угрозы, которую тот представлял.

– Нам знаком такой тип людей. Эти провокаторы начинают с силовых методов, а потом тают, как снег на солнце. Нам просто надо подождать, пока он начнет действовать.

– Этот отличается от остальных. Не думаю, что он так быстро исчезнет.

– Ты всегда пессимистически настроен, Бек.

– За это мы ему и платим, – сухо заметил Хафф. – Бек следит за тем, чтобы маленькие проблемы не превращались в большие.

– Я благодарен за доверие, – сказал Мерчент. – Как вы хотите, чтобы я ответил Нильсону?

– А что бы ты рекомендовал?

– Проигнорировать его.

Оба Хойла удивились резкому ответу. Бек дал им время на возражения, но они промолчали, и тогда он изложил свои доводы:

– Нильсон прислал цветы на похороны. Это была проверка. Он знал, что это дурной тон, и поступил так только для того, чтобы проверить, как вы отреагируете. Я мог бы послать ему письмо-отповедь, но это станет проявлением страха или гнева. А Нильсон сможет использовать эту реакцию против нас. Если мы его проигнорируем, то этим дадим понять, что он настолько незначительная персона, что ответа попросту не заслуживает. Это самый сильный сигнал, который мы можем послать.

Хафф задумчиво потянул себя за губу.

– Что скажешь, Крис?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.